

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

ВВЕДЕНИЕ

Кажется, философы перестали искать истину. А это значит, что они перестали быть методологами. С некоторых пор поиски чистой мысли стали делом неприличным. Философ – это виртуальный артист. Поэт. Он не только высказывает, но и забавляет. Он показывает представления и ставит спектакли, как ставятся они в Большом театре. Никто ничего не доказывает.

Только совсем наивные люди полагают, что мыслимое мыслится, а видимое видится. Сегодня мы хотим видеть мысль и мыслить видимым. Вот это желание и реализовано в "Антропологических исследованиях", в который человек полагается скорее существом виртуальным, нежели субстанциональным.

Немецкие философы работали по принципу матрешки, хотя и не понимали этого. Они создают виртуальный мир, затем объективизируют его и следующим шагом создают еще один язык для описания уже объективизированного языка. В эту

игру они втягивают и других людей, которые становятся "кантианцами" или "гегельянцами".

Из множества предметностей я выбираю антропологическую предметность, чтобы показать, как на ней развивается дискурс немецких философов.

КАНТ

I Антропология как путешествие

Кант начинает свою карьеру как натурфилософ. Затем он получил кафедру и совершил коперниканский переворот в философии, превратив себя в трансцендентального философа. К концу своей жизни, когда терять ему было нечего, Кант стал антропологом, то есть совершил еще один переворот в философии: антропологический. А это уже был скандал. Потому, что последователи Канта застряли на уровне трансценденталий и еще одного поворота они уже могли не вынести. Вот, например, мысли. Если в них что-то, что указывает на их земное происхождение, на то, что это мысли человека, что это его знание, а не марсианина или какой-нибудь космической бактерии. Или же эту связь можно оборвать и положить мысль в качестве того, что мыслит себя. А если она мыслит себя, то неважно, в чьей голове она это делает. Неважно кому принадлежит эта голова. Неважно кто мыслит. Кому бы она ни принадлежала, субъектом всегда будет мысль. Или вот знания? Будут ли они полными, если изъять факт их принадлежности человеку? Или не будут? Может ли кто-то, кому в руки попадут наши знания, сделать вывод о существовании человека? Если в знании нет следов оставленных человеком, то это знание будет научным. А сознание - трансцендентальным. А если есть след, то это знание будет антропологическим, не скрывающим свою принадлежность к человеку. Иными словами, теория трансцендентальной апперцепции является

одним из способов отделявания от человека. Выведения его за пределы мира и обоснование важности нечеловеческого взгляда на мир. В этом причина существования метафизики и антропологии.

Следовательно, антропологический поворот Канта обесмысливал метафизику и ее трансцендентальный метод. Кант выступил против Канта. Вот какие слова Канта указывают на этот поворот. "Сферу философии... можно подвести под следующие вопросы: 1) Что я могу знать? 2) Что я должен делать? 3) На что я смею надеяться? 4) Что такое человек? На первый вопрос отвечает метафизика, на второй - мораль, на третий - религия, на четвертый - антропология. Но, в сущности, все это можно свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему".

1. Обертон антропологии

Вопросы, сформулированные Кантом, приобретают в русском языке новые обертона. Не трансцендентальные. Как знать? Что делать? Кто виноват? Последний вопрос, а именно: что есть человек - русский язык переводит в область не антропологии, а практической морали. Кто виноват, что мы никому не верим, что мы не знаем, что делать, и не знаем, как это узнать? В результате становится очевидным тезис, раскрывающий природу человека. Сам по себе, т. е. без Бога, человек слаб. А не сам по себе он бессубъектен. В кантовской версии вопросов доминирует тема возможностей автономного субъекта. Предполагается, что человек - это существо, которое само себе дает законы. В первом случае пределы антропологии определены Богом. Во втором - конечностью человека.

2 Трансцендентализм как муляж

Трансцендентальная антропология невозможна в

принципе. Если бы она была возможна, то мы могли бы заочно составить антропологию марсианина, или будетлянина. Что глупо, ибо для этого нам нужно было бы полагать жизнь в качестве логического процесса, а не реального. Того, что действует фактом своего существования.

Трансцендентальную философию, как экспонат, пора сдать в музей. Отправить в архив. В коллекцию отживших систем мысли, для всеобщего обозрения публикой. Кант так и сделал, написав "Антропологию", во-вторых, с прагматической точки зрения, а не с трансцендентальной. Во-первых, с целью "применить к жизни", а не убежать от жизни.

Из трансцендентализма, как из папье-маше можно сделать хороший муляж философии. Тренажер для студентов, на котором учатся летать, но не летают.

3. Умствования Декарта

Вот Декарт. Неплохой философ. Но он зачем-то умствует по поводу сложившихся в мозгу следов пережитых ощущений. Как будто он нейрофизиолог. У Декарта нет никаких специальных знаний обо всех этих мозговых нервах и волокнах. Если бы эти знания у него были, то он перестал бы умствовать. И стал бы исследователем, т.е. стал физиологом, а не философом. Но даже научные знания он мог бы использовать лишь в академических целях, а не в своих собственных. Применительно к себе. Допустим, Декарт понял, на чем основывается память. Как естествоиспытатель он изучил мозговые нервы и волокна. Далее-то что? Может ли он использовать эти знания для того, чтобы сделать свою память лучше? Конечно, нет. А "не умея использовать их для своих целей, он все должен представить природе". То есть Декарт занимается мозговыми волокнами. И у этих занятий один порядок. А природа занимается Декартом. Его памятью. И у

этих занятий другой порядок. А это значит, что порядок идей в мысли не совпадает с порядком вещей в природе. У феномена, называемого Декартом, есть нижний порог волевого действия. И верхний порог "Стало быть, - заключает Кант, - всякое теоретическое умствование по этому поводу ни к чему не ведет". А раз всякое, то и трансцендентальное умствование ни к чему не ведет.

4. Прагматическая антропология

Например, решил ты что-то сделать из себя, а тебе говорят, что ты должен учесть сцепление каких-то там нейронов и вдобавок к этому еще и учесть последовательность соединения нуклеатидов. Но ведь это все находится за пределами опыта делания себя. Это не элементы опыта твоего сознания. Равно как не является элементом твоего сознания и трансцендентальное сознание. Оно на принадлежит тебе.

Поэтому Канта интересует такое знание человека, которое расширяет возможности его сосуществования. Знание памяти, расширяющее память. Ибо в этом расширении действует не природа, а ты. В нем есть место для тебя. И на этом месте ты субъект, а не она.

Трансцендентализм не оставляет такого места для человека. Поэтому-то трансцендентальная антропология и невозможна. Для чего нам игра представлений, если мы в ней только зрители, а не актеры. Между природой и трансцендентальным субъектом нет никакой разницы в том смысле, что человек в обоих этих случаях лишен субъектности. А вот то знание человека, которое расширяет возможности его существования, Кант называет прагматической антропологией. Или просто антропологией.

5. Я не мыслимо без мысли

Для того, чтобы быть разумным нужно обладать представлением о своем Я. А если ты не обладаешь представлением о своем Я, то ты и неразумен. Ты не личность и тебя ничто не возвышает над всеми другими существами. И с тобой можно обращаться как с животным. С неразумными же животными "можно обращаться и распоряжаться как угодно". Например, использовать как рабочую силу. Как выдрессированную силу природы. Поэтому каждый человек должен учиться извлекать свое Я из разных событий. Лучше быть эгоистом, чем рабочей силой. Все в тебе меняется, а твое Я неизменно. Тавтологично. Себетождественность Я обеспечивает сила единства сознания. Правда, откуда эта сила берется у сознания, Кант не пояснил. Можно лишь догадываться, что исток ее вне сознания. Кант, как и Декарт, не мыслит мысль без Я. Но можно ли мыслить Я вне связи с человеком? Согласно Канту, это будет трансцендентальная апперцепция. Прилагательное "трансцендентальное" запрещает ссылку на человека.

6. Совместный мир

Естественно думать, что ты - это весь мир. Все люди эгоисты. Но эгоизм нужно как-то ограничить. Вот Кант и ограничивает его своей теорией гражданского общества. Ни одно Я не охватывает в своем Я весь мир. Оно не охватывает даже своей наружности. И поэтому Кант постулировал мир общий для всех Я. А это значит, что есть мир, по отношению к которому ты не можешь сказать, что это твой мир. Он не твой. Он общий. Как коммунальная кухня. Как агора у греков. Общая кухня делает людей гражданами. Мы граждане этого общего мира. И пока он есть, мы живем в гражданском обществе, соблюдая правила общежития. Отказ от общего мира позволяет "Я" объять весь мир в интенции. В значении. Но это Я уже будет солипсистским. А для него правила не писаны.

7. Что делать с детьми и шизофрениками

Антропологические знания не априорны. С ними не рождаются. Они берутся из опыта наблюдения. Любопытно наблюдать за человеком в моменты расширения того, что дано ему природой. В момент расширения ты не зависишь от природы. От того, мужчина ты или женщина, старый или молодой, русский или немец. Важно только, чтобы было Я. Опора в расширении. Опираясь на Я, ты делаешь себя свободным.

Взяв тему "Я" кантовской антропологии, можно указать и на проблему этой антропологии. Все, у кого есть Я, разумны. А у кого нет Я - не разумны. Это постулат. Но что делать с неразумными? Как поступать с ними? Со всякими неразумными существами можно поступать как угодно. Их можно убивать, сажать в клетку и т. д. Но что делать с людьми, которые потеряли Я? Заболели. Что делать с шизофрениками? Как отнестись к детям? Я требует непрерывного мышления. Единства сознания. А откуда оно у них? Ведь они утром одни, а вечером - другие. Кант полагает поступать с ними, как с неразумными животными. За исключением детей. Ибо у детей, на его взгляд, все-таки есть Я. Только оно не высказано. Его еще нет в порядке слов. Хотя оно и есть. И связано с мыслью, о свободе и справедливости. У ребенка есть бессловесный ум. Если бы его не было, то ребенок бы плакал и улыбался уже в первые дни своей жизни. А он не плачет и не улыбается. Плакать и улыбаться он будет, когда ум укажет ему на обиды и несправедливость. "С того дня, когда человек начинает говорить от первого лица, он везде, где только возможно, проявляет и утверждает свое любимое Я и эгоизм развивается неудержимо".

Шизофреников надо лечить, а внебрачных детей можно лишать жизни. Цитата из Канта:

"Появившийся на свет внебрачный ребенок родился

вне закона, стало быть и вне охраны его. Он как бы вкрался в общество (подобно запрещенному товару), так что общество может игнорировать его существование (ибо по справедливости он не должен был существовать таким образом), стало быть, и его уничтожение". Кант, рассуждая как гуманист и сторонник правового общества, ставит должное выше существующего.

8 Антропология как путешествие

В момент расширения человек становится гражданином мира. Субъектом действия, в котором знание сопряжено с умением, а понимание – с участием. Трансцендентальный философ всегда находится в позиции постороннего. Он понимает, не участвуя. Знает, не умея. Он субъект чистого мышления. А с чистым мышлением не живут. Субъект чистого мышления и есть само это мышление. А не жизнь. Чтобы знать жизнь, нужно жить. Для этого нет никакой надобности учиться в университете. Читать когитальных и трансцендентальных философов. А если уж приходится что-то читать, то лучше всего книги о путешествиях. А еще лучше путешествовать самому.

Кант не путешествовал. Он читал книги путешественников. Он жил и наблюдал. Поэтому-то Кант строит свою "Антропологию" не как комментарий к текстам философов, а как описание своих наблюдений. Своего непосредственного опыта.

Оглавление:

I. Антропология как путешествие

II. Кант против Аристотеля

III. Антропология Адама

IV. Три порока человека

V. Антропология ума

VI. Человек-актер

VII. Болезни души

VIII. Воображение и мысль

IX. Время порока

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
Я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

КАНТ

II. Кант против Аристотеля

9. Топология человека

Трансцендентальный философ ведет разговор не о человеке, а о всяком разумном существе. А вот, где будет расположено это существо, на какой планете и из чего оно будет сделано – все это для него неважно. Об этом ничего определенного сказать нельзя, не выходя за рамки трансцендентальной философии, которая полагает, что между разумом и местом его обитания нет никакой связи.

Кант совершает искомый выход, ибо вводит новую размерность. Не трансцендентальную, а топологическую. А именно: указание на то, что человек живет на Земле. Вот это указание места человека не вписывается в структуру трансцендентального сознания. Разрушает ее язык и одновременно создает возможность антропологической версии философствования.

Топологические характеристики человека ничего не могут прибавить к понятию ума. Чтобы расширить понятие ума нужно провести сравнительную топологию. А вот это-то мы и не можем сделать. Нам не с чем сравнивать человека. Мы ничего не знаем о неземном разумном существе. "Задача указать характер человеческого рода совершенно неразрешима, ибо решить ее можно было бы, сравнивая два вида разумных существ, исходя из опыта, а опыт не допускает такого сравнения". Для того, чтобы возникло опытное знание, нужно другое разумное существо. Какое-нибудь неземное. Нечеловеческое. А его нет. Поэтому, ничего опытного о человечестве сказать нельзя. Наука о нем невозможна. То. мы не можем посмотреть на себя со стороны. Поэтому антропология довольствуется тем. что мы знаем о себе изнутри. Антропология не нуждается в априорном сознании, изучении его структур.

10. Теория неокончательного человека

Незнание неземного разумного существа создает препятствия на пути изучения разумного существа. Ума. Это препятствие можно попытаться обойти. Антропологический поворот Канта связан с попыткой построить представление о человеке вне зависимости от того, знаем ли мы или незнаем неземной разум. Поэтому Кант описывает человека в предположении, что человек есть то, что он из себя делает. Он делает, а не природа. А делает он себя таким, что у него всегда есть возможность себя усовершенствовать. Переделать. То есть Кант помещает человека в пространство некоего расширения, в перспективу делания себя. а это значит, что обойти вышеотмеченную трудность можно, если мы примем теорию неокончательного человека. Чего-то незавершенного. Недоделанного. А судить о том, что незавершено, нельзя Для этого нет трансцендентной перспективы. Взгляда со стороны иного.

11. Человек одинок

Онтология человека складывается у Канта под влиянием его дискурса. Способа рассуждений. А именно, собственно человеческое начало в человеке еще не определено. А вот животное в нем уже определено природой. И все было бы хорошо, если бы не ум. Ведь животному ум что телеге пятое колесо. Ни к чему. Ему достаточно инстинкта. А у человека ум есть. И поэтому человек одинок. Он лишен радости общения с себе подобными. Ум делает нас одинокими. И некоммуникабельными. Онтология человека представлена Кантом в его любимой фразе: "Человек животное одинокое и избегающее соседства".

12. Неопределенность человека

Если бы человек был полностью определен, то он бы стал просто животным. Или ангелом. А он и не ангел, и не животное. А так. что-то промежуточное. Какое-то полуживотное. Полуангел. Некая свинья с ангельским лицом. Вот эта "половинчатость" относит человека к неполным существам. К кентаврам. К тому, что делимо. А делимо зло. Разногласие и вражда. Тогда как добро -это полный предмет. Нельзя говорить о половине добра, потому что полу-добро есть не что иное, как зло. Степень зла. Поэтому человек не определен как добро. И не определен как зло. Человек не степень животного. Это неудачное животное. Ибо его половинность указывает на сущность, ускользающую в пустоту. На то, что не имеет никаких содержаний. И что только еще должно быть заполнено. Но и его пустоту следует понимать не как то, что может быть заполнено, а как способ существования. Как некое дело, которое нельзя сделать. Которое можно только делать. Законченность действия означала бы

утрату человека. Поэтому человек - это сизифов труд человека стать человеком.

Незаконченность дела человека или, что то же самое, существование человека в модусе его ускользания от самого себя делает возможным его разумность. Ум нуждается в пустоте В недоделанности человека. В разногласии.

13. Культура предшествует морали

Антропологическая размерность пустоты представляется Канту в виде разрыва между разногласием и согласием. Ибо ум - это то, что ведет от раздора к согласию. Но ведет он нас в модусе ускользания полного согласия. Человек приближается к нему не имея возможности приблизиться. Раздор - это то, что в нас от животного. Согласие - от ангела. И вот разум стремится из раздора вывести согласие. "Чтобы, - как говорит Кант, - совершенствовать человека через развитие культуры. Хотя бы ценой лишения его радостей жизни". Неполнота человека нуждается в культуре. В ее крючках. Ведь если бы ее не было, то ничто бы человеческое не могло удержаться. Продлиться. Оно бы, случайно появившись, так же случайно и рассеялось бы. И это естественно: А культура не дает исчезнуть случайному. Удерживает его. И поэтому культура предшествует морали.

Если бы мораль предшествовала культуре, то тогда никто бы не смог себя усовершенствовать и каждый из нас был бы таким, каким он есть. А поскольку цель человека состоит в усовершенствовании самого себя, постольку нужно дать человеку эту возможность. В антропологии Канта эта возможность обеспечивается разрывом между культурой и моралью. А это значит, что между добром и добрыми людьми нет никакой связи. Добро принадлежит культуре. Добрый человек - морали. В терминах кантовской антропологии вполне мыслимо общество, в котором

нет добрых людей. А добро есть. Добро без добрых людей и составляет содержание культуры. Исходную точку прогресса. А уже потом, с течением времени может быть появятся и добрые люди. Но пока они не появились Кант предлагает создать производство добра из зла. Предлагает заставить недобрых людей делать добро. Но если добро возможно без добрых людей, то и социум можно мыслить вне связи с человеком. Эта возможность мысли коренится в кантовском антропологическом дискурсе.

В русской философии человек мыслится как добрый человек. На качествах человека основана культура. И поэтому мораль предпосылается всякой культуре, сближаясь с религиозной мистерией. То есть в основе культуры лежит культ.

14. Кант против Аристотеля

Человек одинок. И антисоциален. Если бы он был общественным животным, то тогда согласие предшествовало бы разногласию. И прав был бы Аристотель. Ибо нельзя быть общественным существом без согласия с другими. Но за "согласие" Аристотель заплатил отказом от идеи прогресса. От самой ее возможности. Кант же человек прогрессивных взглядов. Теоретик эпохи просвещения. Поэтому он выступил против Аристотеля. Ведь, если согласие предшествует разногласию, то тогда нет возможности для прогрессирующего изменения. Человеку не во что изменяться. У него нет пространства расширения. И он должен довериться природе. А это значит, что человек перестает быть делом человека. Тем, что еще нужно сделать. Субстанцией – субъектом. При данных обстоятельствах люди могли только деградировать. Как у Платона. А Канту хотелось, чтобы они шли в ногу со временем. Прогрессировали. За прогресс тоже нужно платить. Этой платой стал Постулат Канта об изначальном одиночестве людей. Их злобности и нетерпимости.

Нет никаких причин для того, чтобы мораль была укоренена в природе. Ведь тогда появились бы и люди, добрые по природе. А доброму человеку не нужно достраивать себя до полноты добра. Делать себя добрым. Его мораль была бы от природы, а не от культуры. И культура стала бы ненужной. А Кант природу не любил. Он любил культуру. И поэтому он решил заставить человека стремиться от зла к добру. Чтобы стремлением к уму существовал ум, а стремлением к добру существовало добро.

Натуральный ум, равно как и натуральное добро, Кант полагал несуществующими. Ведь, если бы они были, то тогда человек стал бы не человеком, а чем-то другим. Каким-то добрым, но неразумным земным существом. Кант связал ум со злом, а добро - с глупостью. И поставил ум - над глупостью, а зло - над добром.

А вот свободу Кант относил к естественной страсти. Только свободный человек может быть счастливым. Ибо он находится вне суждения о нем другого. Свобода нуждается в войне, чтобы одинокий жил одиноко и держал других поодаль от себя.

Оглавление:

I. Антропология как путешествие

II. Кант против Аристотеля

III. Антропология Адама

IV. Три порока человека

V. Антропология ума

VI. Человек-актер

VII. Болезни души

VIII. Воображение и мысль

IX. Время порока

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
Я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

КАНТ

III. Антропология Адама

15. Были ли Адам и Ева животными

Кант не разбирает вопрос об уме и глупости первых людей. Об их отношении к добру и злу. Он радикально меняет сам способ вопрошания. Ведь это нужно еще доказать, что Адам с Евой были людьми, а не животными. Если бы они были людьми, то у них не было бы инстинкта. А без инстинкта они не смогли бы выжить. Адам и Ева, изгнанные из рая, просто утонули бы в первом же озере. Ибо плавать они не умели. Ведь плавание – это искусство, которому надо учиться. А их учить было некому. Первые люди, утоляя голод, непременно съели бы какую-нибудь гадость. Отравились бы и умерли. А они не отравились. И не утонули. Значит, у них был инстинкт. И они были животными.

16. Крик ребенка

Но если Адам и Ева были животными, то почему же мы не унаследовали их инстинкты? Значит, в какой-то момент мы их потеряли. Вот, например, ребенок. Почему, рождаясь, он кричит? Ведь крик обнаруживает его присутствие. А это опасно. Кругом враги. Рожаться нужно тихо. Незаметно. Без шума Человек вообще появился в мире незаметно. Как зверь. Почему же сейчас дети рождаясь, кричат? Ссылки на физиологию Кантом не принимаются. Указание на устройство легких, на воздух и прочее -это все для легковерных.

17. Почему дети кричат

Дети кричат потому, что им нечего бояться. Что они в безопасности. Откуда же она, эта безопасность, взялась?

На нетрансцендентальный вопрос мы получаем нетрансцендентальный ответ. Дети кричат потому, что у них уже есть возможность жить в доме. В пространстве согласия. Дом - это первая ступень согласия между людьми. "Хотя, - замечает Кант, - мы и не знаем, каким образом и при содействии чего природа осуществила такое развитие". И осуществит ли она его по отношению к обезьянам. Ребенок кричит еще и потому, что криком он возвещает о своем притязании на свободу. Ведь о какой свободе может идти речь, если он не может управлять своим телом? Ребенок воспринимает неуютность как принуждение. Как несправедливость. Именно поэтому дети начинают плакать через несколько месяцев после рождения. Ребенок кричит. Родители его наказывают. Ребенок отвечает еще более громким криком. Родители -еще более суровым наказанием. Или вот еще пример Детеныш животных играет. Дети людей ссорятся друг с другом, как будто у них есть некоторое понятие о праве.

Конечно, враждовать естественно. В каждом человеке есть зерна раздора. Но еще есть ум. И

ум ведет изначально одинокого к согласию с другим. К преодолению отвращения. Иными словами, ум ведет к дому. Это знали и Анаксагор. И Кант. Но дело в том, что ум не нужен в доме. Чем больше устанавливается согласие, тем меньше оно нуждается в уме. Поэтому дом является одновременно и пространством первого отказа от ума. Причиной появления подпольных мыслей. Бессознательного. Всякая подлинность нуждается в бессознательном. В подпольных мыслях. Сообщенность пространств согласия составляет новый компромисс. который Кант обозначает как гражданское общество. Но скрытой посылкой этого компромисса является второй отказ от ума. На этом уровне происходит разделение мысли и институции высказываемости. Становится важным, чтобы была интуиция высказываемости мысли, а не мысль.

18. Пустота одинокого

Одомашниванию человека сопротивляется его природа. Конечно, естественно быть злым. Есть все причины для враждебного отношения к другому. Ведь другой нарушает твоё первобытное одиночество и создаваемую одиночеством пустоту. Изначальная пустота человека является возможнымместищем абсолютной свободы. А другой ограничивает эту свободу. Заполняет пустоту какими-то содержаниями. Связывает руки. И вот уже свобода лишается связанного с ней беззакония. И своеволия. А без своеволия никакая свобода не имеет смысла. Ибо она становится осознанной необходимостью. Люди злонравны. А свобода нуждается не в собственности, а в пустоте.

19. Дом как пространство согласия

В доме достигается согласие между полами. Между женщиной и мужчиной. В женщине Кант видит по-

преимуществу домашнее животное. В мужчине – публичное. Женщина может только отказываться. Мужчина домогаться женщины.

Цитата из метафизики нравов: "Когда один из супругов ушел от другого или отдался во владение третьего, другой вправе в любое время и беспрекословно вернуть его, словно вещь, в свое распоряжение".

Право выше человека. Супруг – это вещь, на которую распространяется право владения.

Пространство согласия удерживается домашним обедом. За обедом соединяются чувственность и рассудок, свобода и правила. "Нигде, – пишет Кант, – чувственность и рассудок, соединенные в потреблении, не могут столь долго повторяться, как за хорошим обеденным столом в хорошем обществе". Желательно приглашать гостей больше числа муз и меньше числа граций, то есть вместе с хозяином 11 человек. И разговор вести, начиная с рассказов, которые уступают место рассуждениям, а последние – шуткам.

Если бы человек был добр, то его не надо было бы воспитывать. И сам он не стремился бы выйти из грубого состояния одного лишь насилия. Зачем человеку благоденствие?

Ведь сам по себе человек не деятельное существо. И поэтому он склонен пассивно предаваться покою. Мечтать о покое – значит любить в себе животное начало.

Чтобы человек не застревал в состоянии покоя, нужны воспитатели. Те, кто воспитывает добро. То есть добрые люди. Но их тоже нужно было бы кому-то воспитывать. А поскольку нет ни одного человека, который сам не имел бы испорченности, постольку проблема морального воспитания неразрешима.

Оглавление :

I. Антропология как путешествие

II. Кант против Аристотеля

III. Антропология Адама

IV. Три порока человека

V. Антропология ума

VI. Человек-актер

VII. Болезни души

VIII. Воображение и мысль

IX. Время порока

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
Я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

КАНТ

IV. Три порока человека

20. Три порока человека

В кантовской антропологии полагается три естественных порока человека. Это лень, трусость и лицемерие. Если бы у нас не было этих пороков, то ничто не смогло бы приблизить нас к высшему физическому благу. Пороки Кант понимает как "черное золото" морали. Например, человек ленив. И любит пассивный покой. Ну, и слава Богу. Ведь, если бы не лень, то неутомимая злоба причинила бы людям больше зла, чем его совершается в настоящее время. Рука провидения видна и в том, что она сделала нас трусливыми. Ведь, если бы люди не были трусливы, то в жажде крови они истребили бы все человечество.

Ни один человек не может не лицемерить. Если бы не было симуляции и обмана, то не было бы и предателей. Быть предателем естественно для человека. Не будь Иуды и Христа, было бы некому

предать. Без врожденной злости человека ни одно государство не смогло бы долго просуществовать. И если они существуют, то потому, что еще есть предатели. Антропологически оправдано существование не государства, а предателей.

21. Принуждение к порядку

Сам по себе человек ничтожен Людям вообще нечем особенно сильно хвастаться. Их глупость и злобность запечатлены в моральной физиогномике. Против злобы есть только одно средство: дисциплина. Подчинение людей общей воле.

Кант протестант. Он в борьбе со злом полагается на принуждение. На силу насилия. А не на любовь. Жестокость принуждения, возможно, делает человека культурным. Учит его подчиняться общей воле. Но общая воля персонифицируется в воле единичного. И поэтому она одна распространяется на всех. То есть Кант допускает насилие со стороны воли одного как цену культурного прогресса. Как эффективный способ одомашнивания человека. Один народ - одна воля - один фюрер.

И если правитель тиран, то все равно никакого права на сопротивление у народа нет. Люди обязаны терпеть злоупотребления верховной власти, даже те, которые считаются невыносимыми. "Малейшая попытка в этом направлении составляет государственную измену, и такого рода изменник может караться смертной казнью как за попытку погубить свое отечество".

22. Деятельностная антропология

"Человек сам себе дает себя". Эта кантовская формула бессмыслицы лежит в основе деятельностной антропологии. То есть нельзя мыслить человека как бытие или небытие. Его лучше представлять как действие. - Ведь, если мы будем мыслить человека как бытие, то неизбежно

придем к антиномиям. Ибо рождаясь, человек будет рождаться без себя. Ему будет не хватать себя. Чтобы себе дать себя. нужно, чтобы тебя не было. А если тебя нет. то как ты можешь себе дать себя.

23. Человек как цель самого себя

Не имеет смысла и другая формула Канта, согласно которой человек есть для себя своя последняя цель. У бытия нет цели. Оно есть не для чего-либо, а субстанциально. А вот действие структурируется целью. Поэтому человек как действие имеет цель. И эта цель он сам. А поскольку целью не может быть то, что есть, постольку целью действия является то, чего нет. Человек предстает и как то, чем достигается цель, т.е. средством, и как то. что достигается. Как цель. Поэтому человек понимается и как средство, и как цель. Как то, что само себя делает.

Всякое действие - это событие. И как событие оно обесмысливает смыслы. Пространство бессмысленности непременно заполняется событиями. Человеком-действием. Полное действие человека возможно только при нулевом смысле. Кант выбрал не смысловую, а событийную перспективу существования антропологической реальности.

Кант - человек деликатный. Он не мог прямо заявить о том, что мир заполнен событиями и поэтому лишен смысла. Ведь для этого нужно было объявить о разрыве с христианской традицией, с Богом. Он не говорит, что Бога нет. Он говорит, что человек есть последняя цепь. И в этом смысле Кант гуманист. Человек просвещения, обучающий людей действиям в десакрализованном мире. В мире нулевой святости. При невозможности любого действия "во имя". Ибо в этом мире нет даже следов святости.

Кант снижает уровень человека, делая его неокончательным. Практичным и целенаправленным.

Ведь если ты и есть твоя последняя цель, то в пространстве этой цели уже невозможна встреча абсолютного и относительного. Невозможна мистерия. То, что направляет человека ввысь. К небу. Прочь от земли. И человек, как какая-нибудь ризома, расстилается по поверхности. Становится горизонтальным существом, тем, что есть только здесь и только сейчас.

Заземленность человека указывает не на связь с землей, не на укорененность в почве, а на приложение к поверхности земли. И в этой прикладываемости он скорее существует как "хомо", чем как антропос.

Оглавление:

I. Антропология как путешествие

II. Кант против Аристотеля

III. Антропология Адама

IV. Три порока человека

V. Антропология ума

VI. Человек-актер

VII. Болезни души

VIII. Воображение и мысль

IX. Время порока

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
Я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

КАНТ

V. Антропология ума

24. Ум и ничто

Пока ничто ничтожит человек деятелен. Чтобы
быть, ему нужно себе давать себя. А чтобы себе
давать себя, нужен ум. Кто думает сам, тот
умен. Кто думает не сам, тот глуп. Глупым людям
хорошо. Им весело. У них компания. Умный
человек одинок. Ан

тропологически ум укоренен не в бытии, а в
ничто. Ведь. если бы он бы укоренен в бытии, то
никто бы не стал лишать себя радостей жизни
ради ума. И ум бы зачах. Лишь когда жизни
угрожает ничто, тогда приходится радости жизни
менять на ум. Люди умны не от хорошей жизни. В
кантовской теории ума нет ясности по поводу
энтузиазма. Того, что питает ум. Дает ему
энергию. Заставляет человека двигаться.

25. Солипсист

Кант философский волшебник. Его слова чаруют и очаровывают. И избавиться от этих чар практически невозможно. К примеру, Кант называет человека единственным свободно действующим существом. И это название завораживает видимостью своей понятности. Человек действует потому, что нет в составе бытия того, что называлось бы человеком. А нет его там потому, что он еще не совершился. А вот почему это мы "свободно" действуем - это не ясно. Вернее, не ясен момент, в который мы обретаем свободу. Ведь человек зависит от многого. От всего. Даже от настроения. Когда же мы избавляемся от этой зависимости? В кантовской антропологии витиевато указан момент делания себя. Пространство субъектного расширения. За счет того, что от него не зависит. Хорошо расширять свою натуру наедине с самим собой. А чтобы не зависеть еще и от тела, от чувств и от практических мыслей, желательно очистить себя от них и поместить себя в пространство чистого мышления. Того мышления, которое мыслит себя.

Иными словами, свободно действовать может только тот, что не полагает себя как цель в другом. В инобытии. Только в чистом мышлении мы ни от чего не зависим. Ибо оно зависит от нас. Только здесь субъект совпадает с объектом. Следовательно, в познании свободно действующее существо предстает как солипсист. В жизни оно предстает как эгоист. Как человек, который делает себя в другом. Используя другого. Во всех этих случаях свобода приписывается субъекту. А субъектом ты можешь быть относительно сделанного и не объективизируемого. Оно всегда твое. Поэтому свободен только солипсист. Чувства не играют им. Он всегда здоров.

26. Глубокие люди

Все глубокие люди больны. Ибо они представляют мир посредством чувства. Кант не любил глубоких людей, полагая, что ими могут играть смутные представления. Смутность возникает в пределах их внутреннего мира, того, что не объективируется. Вот, например, время. Его нельзя созерцать как объект. Оно предстает как смена чувств. В нем ты воздействуешь на себя, а не на другого. В терминах внутреннего мира нельзя отличить причину и действие от простой последовательности чувственных представлений. И поэтому мы все время путаем причину со следованием во времени. Никому не надо изобретать собственный мир и рассуждать в этом мире. Изобретая свой мир, ты уподобляешься солипсисту. И теряешь контакт с реальностью. Полагая общий с другими мир и рассуждая в этом мире, ты обрекаешь себя на скуку. Без глубоких людей мир становится серым Однообразным. Кант выбрал скуку и однообразие. Археоавангард выбрал смех. идущий из темноты глубокого.

27. Лечение умом

Глубоких людей нужно лечить мышлением. Эту рецептуру придумал Кант. Ведь мыслить – значит представлять мир посредством понятий. Если в глубинах внутреннего мира рождаются фантазмы и совершается забвение чувства реальности, то задача ума состоит в том, чтобы перехитрить чувственность глубокого. Вытащить ее на свет понятий, вывернуть наружу и задать культурными формами. Действием по правилам. Правда, по правилам действуют слуги и чиновники. Но им ум не нужен. У них ум заменяют правила. В антропологических настроениях Канта предпочтения отдается правилам, а не уму.

28 Замещение ума

Помимо правил ум может быть замещен социальными

практиками. То есть лично ты можешь быть и неумным, если умны социальные практики. Кант не особенно верил в ум как некое личное качество. Ведь что ты можешь с ним сделать? Ничего. В лучшем случае ты можешь этим своим качеством заткнуть какую-нибудь социальную дыру. Или подменить глупую социальную институцию. Незрелый социум нуждается в глубоких людях. В человеческих качествах. Чтобы ими заполнять свои пустоты. Канту нравились умные социальные практики. Ибо этими практиками могут пользоваться даже глупые люди. Зрелая социальность безразлична к качествам людей. К их глубине. Ее устраивает человек без свойств.

Делать добро из долга скучно. Если бы добро делали только по моральным мотивам, как их понимал Кант, то никакого добра давно бы уже не было. К моральным мотивам надо добавлять чувственное удовольствие. Поэтому душу надо оживлять. Разум это делает примерами, которые, правда, не всегда действуют. Природа - аффектами. Она берет в руки вожжи и к мотивам моральным добавляет еще мотивы чувственного побуждения, которые Кант называет почему-то патологическими. Например, ты делаешь добро не из долга только, но и в силу своей влюбленности. То, что делает ум при помощи понятий и идей, может делить и природа при помощи аффектов, играя чувствами удовольствия и неудовольствия. Поэтому аффекты следует рассматривать не как временный суррогат разума, а как постоянный источник энтузиазма живого сознания.

Кроме аффектов живое сознание использует еще и иллюзии. Практические заблуждения. Каждый человек нуждается в том, что дает ему силы. Оживляет его. В иллюзиях. В полагании реальности предметов воображения.

Ум может быть замещен и естественными побуждениями. Например. Если у тебя перестала работать голова, то ты можешь обратиться к печени. Она позволит тебе, как говорил Платон, составить предсказание. Поможет предвидеть. Все

прорицатели работают не головой, а печенью. Согласно Канту, ум замещает любовь к жизни. Или половая любовь. То есть эти побуждения уже сами по себе умно устроены. И хотя это не социальные институты. Не являются они и личными качествами человека.

29. Максимум мысли

Никто не должен умствовать без цели. Давать разуму возможность работать в холостую. Ибо это будет неистовство ума. Чтобы быть умным, нужно соблюдать три максимы. 1. Мыслить самому. 2. Мыслить себя на месте другого 3. Всегда мыслить в согласии с самим собой.

Мыслить самому. Каждый должен извлечь ум из самого себя. Сделать так, чтобы в твою голову ничто не попадало без твоего на то согласия. Если другой захочет тебе помочь в деле мысли, то ты от этой помощи должен отказаться. Не надо проверять свои суждения с помощью рассудка других людей. Ведь, если ты начнешь проверять себя другим, то твой ум перестанет быть твоим. И тебя легко можно будет обмануть.

Мыслить себя. Твоя мысль должна мыслить себя, а не мысль другого. Не нужно ставить себя на место другого, чтобы понять его. На месте другого всегда должен быть ты сам, чтобы понимать себя.

Мыслить в согласии с собой, а не с чувствами. Уму не требуется согласие с традицией. С общим мнением. С суждениями экспертов. Чтобы быть, уму нужно быть в согласии с самим собой. Не противоречить себя.

Все эти правила, как ни странно, предназначены для эгоиста и солипсиста. "Проблема, имею ли Я как мыслящее существо основание признавать помимо своего существования еще и существование всех других существ ... есть вопрос не

антропологический, а метафизический".

Практически все люди эгоисты.

Логическими эгоистами являются философы. Им не нужно проверять свои суждения с помощью рассудка других людей. "Нам, - говорит Кант, - нельзя в подтверждение наших собственных суждений ссылаться на мнения других...".

Эстетическими эгоистами могут быть все люди. Ведь каждый ищет критерий прекрасного только в себе, а не в другом. Каждого устраивает его вкус. Моральные эгоисты мечтают о собственном счастье и не думают о долге.

Плюрализм и свобода печати как институции смягчают эгоизм. Указывают на то, что Я охватывает не весь мир. Что ты гражданин мира.

Логический эгоизм философа является скрытым признанием того, что народ туп. И ученое сообщество тоже глупо. Оно не мыслит. Ведь если бы оно мыслило, то не нуждалось для этого в свободе печати. В возможности проверить свое суждение при помощи суждения других. А оно нуждается. Это философу ничего не надо. кроме согласия с собой.

"Проблема, имею ли я как мыслящее существо основание признавать помимо своего существования еще и существование всех других существ... есть вопрос не антропологический, а метафизический"

30 Мысль как власть

Кант - немец. И поэтому он полагал, что мыслить - значит командовать. Представлять посредством понятий. Ведь понятие - это не то, что тобой пойято. Это правило И есть те, которые сочиняют правила. Это генералы и философы. Им подчиняются. Собственно, разум это привилегия. То, что отделяет высшее общество от остальных людей. Простым офицерам достаточно способности

суждения, т.е. уметь применять правила. Это их обязанность. Ну, а черни, т.е. народу, довольно и здравого смысла. Соответствия понятия цели применения. Например, это чайник. Он нужен для того, чтобы в нем кипятить воду. А это дрова. Они нужны для того, чтобы развести огонь. В понятии содержится только то, что нужно для цели. Не больше того. И не меньше того.

Для того, чтобы мысль перестала быть силой, органом власти нужно лишить ее понятий-правил. И, следовательно, нужно сделать ее доступной. Сообщенной с каждой точкой антропологического пространства. Никто не имеет исключительного права на мысль, если мыслят картинками. Клипами. Многозначными словами. Мыслить - не значит устанавливать правила. Если бы мысль рождалась всякий раз заново из образа мыслей, то люди бы перестали спать. Они бы непрерывно мыслили. Тогда же как выспавшийся человек - это человек как бы рожденный заново Рождающееся каждый раз заново - это метафора сна. Выспавшегося человека, а не образа мыслей. То, что делается по правилам, лишено духа. Рассудок убивает дух.

Мышление - это разговор с самим собой и о себе! Если бы возник разговор с другим, то мышление перестало бы быть мышлением. И стало бы коммуникацией. И человек перестал бы думать сам. В разговоре с другим ты перестаешь внутренне слышать себя. А мыслить - это значит еще и слышать себя.

Коммуникация нуждается в однозначных словах. Мышление возможно и без слов-терминов Язык обозначает мысли, но мысли не возникают в обозначении. Говорящие на одном языке могут быть бесконечно далеки друг от друга по понятиям. Кантовская теория мышления предполагает, что общее выше единичного. И на этом основании рассудок им ставится выше чувственности. Выше созерцаний. Но созерцание без рассудка может обойтись, а рассудок - нет. Мысль - "меня нет" вообще не может существовать. если меня нет, то я не могу и

сознавать, что меня нет.

31 .Утаивание мыслей

Все, что есть, есть то. что оно есть. Не скрываясь. А человек еще и мыслит. Так вот, умно скрывать мысли. Не показывать себя таким, каким ты есть. Ведь, если ты себя полностью обнаружишь, то ты обнаружишь свою пустоту. А тебе нужно быть в порядке перед самим собой. Поэтому умно утаивать мысли.

Утаивание мыслей создает второй план человека. Внутренний мир. То, что для себя, а не для других. Другим показывают первый план. Но по нему нельзя судить о том, что там на втором плане. Существованием второго плана человек отличается от животного.

Умно скрывать свои и узнавать чужие мысли. Дело не в том. сам ты подумал. Или не сам. А в том, ты скрыл мысли, если подумал, или не скрыл. Следствием существования умных людей являются ложь, притворство и обман.

32. Мыслить вслух

Чтобы избежать лжи и притворства, нужно думать вслух. Громко Чтобы кому-то еще только подумалось, а его уже было далеко слышно. Искренность требует мышления вслух Почему же никто не думает громко? Потому что искренность мысли несовместима с другим. Никто не сможет ужиться с другим, если будет думать вслух. Ведь вместе с мыслью высказывается и истина. Хорошо думать громко, если ты живешь один. Естественно быть одному и быть злым. Но одному не выжить. Ведь ты не Бог. И ты умрешь. Без дома. Без детей. То есть вымрут все мыслящие вслух. Поэтому каждому нужно учиться жить с другими. Думают в одиночестве. Выживают социально. Но

никакая социальность, ни одно общество не может вынести истины, присутствия мысли. Человек скрывает мысли, чтобы жить в обществе и отказывается от истины, чтобы быть с другим.

33. Институты мысли

Вязкая мысль – это высказанная мысль. Думать громко – значит отождествлять мысль и высказывание мысли. Но общество налагает запрет на это тождество. Оно мысль отделяет от высказывания. Высказываемость становится институцией, независимой от мысли. Публичность, плюрализм, свобода относятся не к мысли, а к институции высказываемости. Мысли, если они существуют, то существуют как подпольные мысли. Поэтому умно скрывать мысли, а не высказывать. Кант – автор антропологической теории подпольных мыслей.

В человеке онтологически укоренены ложь, притворство и обман. Чтобы выжить с другим, нужно поступать не по правде, а по правилам. Мысль и правила не связаны друг с другом. Развод истины и правил антропологически оправдан Кантом. Если их не развести, то правила погубят мысль.

34. Шум и ничто

Ум задается негативно. Он нужен тому, кто хочет выжить, столкнувшись с ничто. Но ничто ничтожит, если ты один. А если ты в обществе с другим, то ты живешь. И эта жизнь прячет от тебя ничто. А без ничто не может быть никакой мысли. И поэтому пока ты живешь, ты не мыслишь.

Только одинокий принужден быть личностью, т.е. он принужден самому себе давать себя. Удел одиноких – это раздор. Разногласие с другим. В соборе с другим не нужно себе давать себя. В

соборе нет проблемы личности и подпольных мыслей. В нем все думают вслух. В соборе с другим есть проблема гула. Гул преодолевают криком, который вновь растворяется в шуме.

35. Покой и воля

В шуме собора с другим устанавливается образ покоя и воли. Движение к жизни, свободной от гула публичности, ведет к монашеству. К ригоризму. К чистой жизни.

Кант не любил покой. Для него покой – это отдых, которому не предшествовало утомление трудом. Кант ценил чистое сознание. Сознание без бессознательного. Движение к чистому сознанию. ведет к солипсизму. Гносеологическому робинзону. Кант выбрал Робинзона. Ибо Робинзон – это он сам. Философ. И отверг монаха. Чистую жизнь. Равно как и живое сознание. Ибо живое сознания должно не мыслить, а работать.

Оглавление:

I. Антропология как путешествие

II. Кант против Аристотеля

III. Антропология Адама

IV. Три порока человека

V. Антропология ума

VI. Человек-актер

VII. Болезни души

VIII. Воображение и мысль

IX. Время порока

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
И я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

КАНТ

VI. Человек-актер

36. Почему люди несчастны

"Многие люди чувствуют себя несчастными оттого, что не умеют отвлекаться" ^ Ведь чувства людей не спят. Они бодрствуют и все время навязывают человеку какие-то представления. Чувства навязывают себя, а ты от них отвлекайся. Показывай им свою волю. Пусть не они тобой распоряжаются, а ты ими. Вот ты пошел по пути мысли, а чувства тебя отвлекают. Забавные картинки подсовывают. И тебе хочется свернуть с бесцветного пути мысли на цветущие тропинки чувств. А этого делать нельзя. Чувства тебя обманут. Подведут. Они не устойчивы.

Кант приводит пример. Допустим, пришло время и тебе надо жениться. И ты нашел ее. И все хорошо. Она богата. Но вот беда, у нее зуб гнилой. Из рта дурно пахнет. Ты к ее подружке. А у нее на лице бородавка.

Эти метания провоцируются чувствами. Они отклоняют тебя от цели, Ну, так ты, говорит Кант, отвлекись от них. Не обращай внимания на бородавку с гнилым зубом. Сосредоточься на богатстве. Не сбивайся с пути. Если ты не сделаешь отвлечения, то ты будешь несчастным.

Археовангарду не нравится теория отвлеченности Канта. В ней рассудок выступает как начальник. А чувственность как чернь. Как слуга. Нечто пассивное. Даже Гегель пытался исправить Канта в своей теории раба и господина, а также в определении того, кто мыслит абстрактно. Археовангард устанавливает собор рассудка и чувственного в живом сознании, прослеживая сопряжение события и смысла.

37. Человек как актер

Если чувственные представления играют нами, но мы должны их перехитрить. Сыграть роль. Отвлечься от того, что испытываем. Ведь когда мы что-то испытываем, мы пассивны. А пассивность, как замечает Кант, свойственна провинциалам. Плебеем. То есть только у плебеев естественность вытекает из сердечной простоты. Вот она вытекает из тебя без твоего на то соизволения и ты не субъект. Ты чернь. Быть провинциалом плохо. Хорошо быть актером. Субъектом. И умело сыграть роль сердечного человека. Конечно, никакой сердечности у тебя нет. Но она и не нужна. Ведь если бы она была, то она бы была не по твоей воле, а естественно. Как стихия. Подчиняя себя тебе. Лишая тебя субъектности. А вот когда ее у тебя нет, ты можешь ее играть. И тогда ты субъект. Актер. А естественность вытекает уже не из сердца, а из умения держать себя. Пока ты держишь себя, у тебя есть содержания. Манеры. Ты можешь не быть, а казаться. Но как только ты перестанешь держать себя, обнаружится обман. Ибо кроме воли, ничего у тебя не было. Была пустота и видимость.

Люди актеры, потому что они пусты. Только пустой человек субъектен.

"Чем более цивилизованны люди, тем больше они актеры". Того, что они высказывают, нет. Но они не обманывают. Ибо так принято в мире.

Благодаря тому, что *человек играет роль, притворно высказывая в течение длительного времени "добродетели». они мало-помалу могут действительно пробудиться и стать убеждениями. Уверенность Канта покоится на предположении, что воля всегда сопряжена с рассудком и противостоит чувственности. Но воля может быть коррумпирована чувствами. И в этом случае субъектность должна переместиться в сферу чувственности, а не рассудка.

Теория актерства людей имеет смысл, если внешнее ставится выше внутреннего. Внешнее без внутреннего - это видимость. И это хорошо. Ибо эта видимость конституирует в нас актерство. Человеком является тот, кто играет роль человека.

Внутреннее без внешнего - это плохо. Это болезнь, к которой относится всякая искренность, непосредственность и подлинность.

Но, если бы люди только играли роль людей, т.е. были актерами, то они бы перестали пить вино. Ни одна видимость не может опьянить. Показать то, что у нее внутри. Ведь то, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. А у нее нет этого языка. Подлинное опьяняет, вино становится средством искренности. Опьянение не содействует обмену мыслями. Но оно позволяет забыть трудности жизни.

Кант почему-то уверен, что не напиваются только евреи. священники и женщины. Но это значит, что в них доминирует видимость. И нет тоски по подлинному.

38. Обмен пустыми знаками

"Обманщик будет обманут в нас самих" . Этот тезис Канта допускает хитрость морали. Изворотливость разума. Ведь у разума нет силы. Она есть у чувственности. Силой чувственность не победить. И поэтому Давид побеждает Голиафа хитростью. Удвоением обмана. Каждый человек должен уметь притворяться. Вступать в публичный обмен пустыми знаками. Означаеым без означаеого. Дело не в том, кто ты есть. Важно, каким ты кажешься. Как тебя воспринимают. Глупо притворяться злым, ибо ты уже зол. Следовательно, ты можешь притворяться добрым. Глупо притворяться глупым, ибо ты и так глуп. И умно строить из себя умного. Играть роль честного.

Вся антропология Канта построена на представлении о том, что видимостью добра рождается добро. Кажимостью чести создается честь. Эти метаморфозы он называет хитростью морали. Дозволенной моральной видимостью.

Культура запрещает бытию быть. Вытесняет дословность подлинного. Она культивирует игру. Правила обмена пустыми знаками. Например, манеры - это видимость. Пустой знак. И вежливость тоже видимость. Канта приводила в восторг своей пустотой фраза Аристотеля: "Дорогие друзья, нет никаких друзей". Ни одна добродетель не самоценна. Все меняется и разменивается. Лучше разменная монета, пустой знак, чем ничего. Дорога даже видимость добра в другом человеке, ибо из нее. как полагал Кант, может получиться что-то серьезное. Кто-нибудь да и обменяет разменную монету на чистое золото.

Нельзя обмениваться пустыми знаками только с самим собой. Нельзя себе показывать себя как по-видимому доброго. Вообще-то видимость не обманывает, если ты предназначаешь ее для другого. А вот для себя ее не надо использовать. Ибо здесь-то в тебе она и может обмануть. Вот ты украл что-то, а себе говоришь, что ты не вор, что ты совершил доброе дело.

Справедливость. То есть ты как бы и не виноват. Или вот ты покайся и это покаяние создает видимость искупления вины. Поэтому Кант недолюбливал раскаяние и покаяния. Ибо они тебе показывают тебя, но уже невиновным и ты отказываешься делать себя лучше. Кант знает антропологию права и не признает антропологию правды. Лишенное морали не искупает моральную вину.

39. Обман лени

Естественно быть ленивым. Ничего не делать и это хорошо. ибо ничего не делая, та не делаешь и дурного. Склонность к покою рождает скуку. Но если весь мир построен на обмане, то и лень надо обмануть. Грубой силой ее не победишь. Люди склонны поддаваться обману. Вот ты ленив и тебе скушно. И от скуки ты садишься играть в карты. На деньги. Во время игры надежда сменяется страхом. И это смена тебя забавляет. Искусство - это метафоры игры в карты. Оно полагает обмануть лень. Кант не любил искусство. Особенно музыкантов, считая их поверхностными. Обращающимися только к чувству, а не к рассудку. Он любил играть в карты, ибо эта игра "представляет собой лучшее развлечение и лучший отдых после продолжительного напряженного мышления..."

Если не получается игра в карты, то можно сходить на спектакль. Например на "Царя Федора Иоанна". А затем вернуться домой и поужинать. После спектакля ужин хорошо переваривается.

40. Скука

Скучают, как правило, люди образованные. Караибы не скучают. Они бесстрастны по природе. Пойдет караиб на рыбалку и сидит весь день с удочкой. Рыбы нет, а он сидит. И ничто его не

волнует, не заставляет искать смены настроений. Образованная публика на рыбалку не ходит. Она любит читать книги для смены чувств Для развлечений. И эта ее страсть ненасытна. Все бесконечное множество книг не сможет наполнить пустоту чтения, образованного человека. Ибо голова его при этом остается всегда пустой. (Незанятой. И ему нечего опасаться пресыщения. Покой караиба основан на безразличии к жизни. На несуетливости мудреца. Чтению интеллигента предпослана скука. И пустая голова. Но зато у него есть развлечение. Деятельная бездеятельность.

Для Канта караиб - это примитив. Что-то негативное. Его покой объясняется тем, что у него в голове нет мыслей. Вот, если бы они у него были, то был бы и стимул к действию. И было бы страдание. Тем самым Кант манифестирует заблуждение 18 века: будто мысль сама по себе уже является действием и не нуждается для своего существования в силе того, что вне мысли. В интересе, в страсти и аффекте. Поэтому не важно: есть мысли или нет мыслей. Это не объясняет покой караиба. В действительности. у него нет аффектов и страстей. Он находится в состоянии апатии. А это состояние мудреца. Караиба приводит в это состояние не ум, а природа. И поэтому следует говорить об умно устроенной природе, которая надеянием достигает то, что умному человеку иногда приходится делать.

Караиб, изображая предмет, пытается придать ему значение. У него не понятийный строй мышления, а символический. Человека, у которого много символов и мало понятий. Кант называет дикарем. К образованным людям относятся те, у кого мало символов и много понятий. Например, вот интеллигент. Он говорит: давай заключим мир. И обязательно обманет. У него понятийное мышление. А вот караиб. Он говорит: давай зароем боевой топор. И зарывает. Не обманывает. У него символическое мышление. У Канта образы вещей представляют не вещи, а понятия. И поэтому они символы. У Караиба символы

представляют вещи. И поэтому они образы. Караиб близок к дословному. Кант -к слову. Не занятой и ему нечего опасаться пресыщения.

Оглавление:

I. Антропология как путешествие

II. Кант против Аристотеля

III. Антропология Адама

IV. Три порока человека

V. Антропология ума

VI. Человек-актер

VII.Болезни души

VIII. Воображение и мысль

IX. Время порока

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
Я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

КАНТ

VII.Болезни души

41 Душа и апперцепция

Для русского сознания важно узнать, есть у человека душа или ее нет. Когда тебе говорят, что у тебя ее нет – это значит, что ты не человек. Ты машина. Ведь человек действует по правде, а машина – по правилам. По форме.

В кантовской антропологии душа есть нечто незначительное. Это орган внутреннего чувства. А внутреннее чувство доводит до сознания то, что мы испытываем от воздействия на нас наших же мыслей. Вот ты подумал о халве, и тебе стало хорошо. Приятно. И если бы душа не сообщила сознанию, от чего тебе хорошо, ты бы этого и не узнал. То есть душа отвечает за осознание того, что ты сам испытываешь от воздействия на самого же себя. Заботой о душе длится состояние нашей пассивности. Бессубъектности и смутности. Ибо мы ведь никогда не узнаем, осознаем ли мы то, что испытываем. Или испытываем то, что осознаем.

Кант душе противопоставляет апперцепцию. Чистая апперцепция – это хорошо. Это сознание того, что мы делаем. Душа испытывает. Апперцепция делает. В ней мы активны. Субъектны. Следовательно, все люди делятся на тех, у кого есть душа и на тех, у кого есть апперцепция. Одни осознают то, что они испытывают. Другие осознают то, что они делают.

42 Болезни души

Зачем нам душа с ее испытаниями, если она подвержена заблуждениям? Во-первых, она внутренние чувства принимает за внешние явления. Во-вторых, плод своего воображения она принимает за внушение извне. Свыше. А ведь это фантазмы Сновидения наяву. Спиритизм. Это болезнь.

. Люди с душой придумают что-нибудь, сочинят, а потом считают, что все это сочиненное у них уже в душе было. Существовало. Душевный человек – это человек самообмана. Например, Паскаль – это человек самообмана. Ибо он предлагал погрузиться в свой внутренний мир. А это, говорит Кант, идиотизм. "Склонность погружаться в себя вместе с возникающими отсюда заблуждениями внутреннего чувства может войти в норму только тогда, когда человек возвращается к внешнему миру. И тем самым, к тому порядку вещей, с которым имеют дело внешние чувства"

Паскаль» погружает нас во внутренний мир. Кант возвращает к внешнему миру. К порядку вещей. Излечивает от помешательства.

Помешательство имеет четыре формы: идиотизм, умопомрачение, сумасшествие и безумие.

Идиотами Кант называет тех, кто забыл привести свои представления в порядок. В систему. Беспорядочное помешательство характерно для женщин, обладающих пылким воображением. Никому невозможно понять, что они собственно хотят

сказать.

к идиотическим Кант относит и те способы философствования, которые носят фрагментарный, несистематический характер. Например, постмодернистскую философию. По большому счету всякая философия имеет идиотический оттенок чего-то незавершенного. Неокончательного.

Умопомрачение свойственно философским параноикам. В них неистовствует разум. Они говоримое принимают за воспринятое.

Самое интересное помешательство – это сумасшествие людей с нарушенной способностью суждения. Они склонны выдавать аналогии за понятия, сочетая несовместимое. Например, горе и радость, низкое и высокое. Это помешательство подобно поэзии. К нему склонны все творческие люди.

Безумными Кант считает людей, которых интересуют принципы, свободные от критериев опыта. Например, постижение тайны святой троицы. Дураков нельзя поместить в дом для дураков. А душевнобольных можно. Всякий поэт безумен. Его безумие граничит с гениальностью. Стоит ли поэтов и художников заключать в дом творчества для сумасшедших? Не ясно. Кант об этом ничего не говорит.

Никто не может сказать, что у него болит апперцепция. Ибо она не болеет. Рассудок не страдает. Болеют души. Болеющая душа – это и есть душа. Кант полагает существование здоровых душ, что которые иногда болеют. Отклоняются от нормы. А норма – это познавательная способность. Так вот Канта занимают болезни души, касающиеся ее познавательной способности. Например, если душа подчиняется аффектам и страстям, то она заболевает. Т.е. выходит из подчинения разуму. Когда ты болеешь, ты либо ипохондрик. Либо маньяк. У ипохондрика ход мыслей неправильный. И он знает, что он неправильный. Да сделать с собой ничего не

может. У него болезненное воображение. Он нехотит радоваться. Нехотит печалиться. Ему мерещатся все недуги, о которых он узнает из медицинских книг. Ипохондрия становится причиной воображаемых телесных недугов.

У маньяка, как и у трансцендентального субъекта, произвольный ход мыслей. И это хорошо. Плохо то, что ход мыслей маньяка складывается по правилам, не сопряженным с объективными правилами. Без соответствия законам опыта. Несогласованностью в сфере чувства рождаются идиоты. Несогласованностью в сфере рассудка рождаются безумцы. Безумие касается также фантазеров и энтузиастов.

43. Дух лечит душу

Вылечить человека с душой – это значит избавить его от души. Перевести его из бессубъектного состояния в субъектное. Волевое. Вот он спрятался там, в глубинах внутреннего мира, притаился и воображает, а ты его оттуда извлеки. Заставь его вынырнуть. Верни к внешнему миру. К реальности. А чтобы он туда, во внутренний мир, больше не возвращался, разум должен дать его воображению образец априори. Поплавок, удерживающий на поверхности. Вот это работа разума называется Кантом духом. В Антропологии Канта Дух лечит душу.

Оглавление:

I. Антропология как путешествие

II. Кант против Аристотеля

III. Антропология Адама

IV. Три порока человека

V. Антропология ума

VI. Человек-актер

VII.Болезни души

VIII. Воображение и мысль

IX. Время порока

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
Я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

КАНТ

VIII. Воображение и мысль

44. Ничтожность внутреннего опыта

Внешние чувства воспринимают предметы в пространстве. Рядом друг с другом. Внутренние чувства воспринимают отношения во времени. Одно после другого. Во времени мы пассивны. Оно идет необратимо и мы ничего с этим поделать не можем. Мы не можем притормозить время и получить возможность для продолжительного рассмотрения какого-либо дела. А без этого рассмотрения опыт у нас не появится. "Пассивное в чувственности... причина всех зол, которые ей приписывают". Только в мысли человек действует как субъект. Распоряжается своими способностями. Но это один опыт. Здесь мы учимся жить во внешнем мире. А внутренний опыт складывается у нас, если мы пассивны. А зуд значит, в каждом из нас есть такие представления, которые являются нам без нашего приглашения. Как если бы они были вестниками внешних откровений.

эти вестники, говорит Кант, ведут нас не к высшей истине, а в дом умалишенных. Нельзя увлекаться бессознательным. Непроизвольным ходом чувств и мыслей. "Кто умеет много говорить о своем внутреннем опыте... пусть излечится". Наблюдения за собой легко приводят к фантазерству и помешательству. А поскольку антропологические знания складываются в ходе таких наблюдений, можно сказать, что антропология возникает и существует нэ грани помешательства.

Внешний опыт неизмеримо выше внутреннего опыта. Конечно. в опыте нам нечто только является. И мы не знаем, как оно существует само по себе. Но эти явления упорядочены рассудком. А вот откровения о существовании во внутреннем опыте неупорядочены. Они создаются воображением.

45. Воображение опережает мысль

Внутренний опыт дает нам высшее откровение. Но это откровение мнимое. Во-первых, внутренний опыт сопряжен с воображением, а не с мышлением. Воображение бывает продуктивным и репродуктивным. Продуктивное воображение может сочинять. Выдумывать. И выдуманным водить нас за нос. Обманывать. Во-вторых, Бог создал человека так, что сначала он воображает, а потом мыслит. Мышление идет по следам воображения. Его болезненных фантазий. Конечно, мышление нас лечит. Но оно лечит не саму болезнь, не воображение, а его симптомы. Если бы мышление предшествовало воображению, то тогда не было бы самообмана. Непреднамеренных мыслей. Не было религии, внутреннего опыта, бессознательного и души. И воображение подчинялось бы рассудку. А художник - эстетическим правилам. Культурным нормам. А так они не подчиняются. И поэтому люди больны внутренним миром, куда сбрасывает свои образы воображение.

Только в мышлении человек опережает воображение. Только здесь он играет с представлениями. Мышление должно сохраняться чистым, очищенным от чувств и воображения. То есть оно должно быть мертвым.

46. Бессознательное как маленькое сознание

У гражданина мира нет бессознательного. Нет внутреннего мира. Ибо гражданином становятся в момент субъектности Я. А у субъектного Я нет бессознательного. Как можно знать, что у нас есть бессознательное, если мы его не сознаем? Поэтому Локк считал, что бессознательного нет. Хотя Лейбниц думал, что оно есть. И Кант допускал бессознательное, полагая, что мы его все-таки осознаем. То есть редуцируем к сознанию. Например, я сознаю, что я вижу человека. Хотя мне не видно его глаз, ушей, носа и т.д. Но я-то знаю, что у него все это есть, ибо есть у всякого человека. Неосознанное по Канту - это как бы смутно видимое. Поэтому его может довести до сознания простой бинокль. А это значит, что антропология Канта отделяется от проблемы бессознательного понимая его как маленькое сознание.

Гражданин мира не видит вещей снов. В снах Кант видит произвольное создание образов.

"Сновидения не следует принимать за откровения из какого-то невидимого мира"

Оглавление:

I. Антропология как путешествие

II. Кант против Аристотеля

III. Антропология Адама

IV. Три порока человека

V. Антропология ума

VI. Человек-актер

VII. Болезни души

VIII. Воображение и мысль

IX. Время порока

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
И я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

КАНТ

IX. Время порока

47. Время порока

Бессознательное дает о себе знать смутными представлениями. Никому нельзя играть смутными представлениями. Потому, что они сыграют с тобой злую шутку. Например, половая любовь. Это смутное представление. За игру с ним мы расплачиваемся 10 годами порока. С 15 лет до 25. В 15 лет мы уже созрели для половой любви. Но еще не можем создать семью. В 25 появляется материальная возможность для создания семьи. И вот этот разрыв Кант называет 10 годами порока. Половое созревание не ждет социального созревания.

Или похороны. Вот ты просишь похоронить себя в саду, под деревом, чтобы над тобой была тень. Это тоже игра смутного представления. Ибо тени существуют для живых.

Игра с чувственной видимостью допустима только

48. Аффекты, страсти и пищеварения

Удовольствие можно получить сразу. Все. А можно его растянуть во времени. Проглатывать по кусочкам. Смакуя. В первом случае мы имеем дело с аффектом. Во втором – со страстью. Где много аффектов, там мало страсти. Аффект торопит. Спешит. Ему некогда. Он не любит откладывать удовольствие на потом. Страсть не торопится. Аффект открыт и честен. В нем есть что-то животное. Страсть есть только у людей. Она скрытна и коварна. Например, стремление к свободе – это страсть. Безудержная радость – аффект. Страсть не опасна для жизни, а аффект – опасен. Допустим, тебе повезло. И ты получил огромные Деньги. И тебе неожиданно открылись виды на неизмеримое счастье. Радость может быть так велика, что твое сердце не сумеет ее вынести. И разорвется. И ты скоропостижно умрешь. Поэтому Кант отдавал предпочтение не аффектам, а страстям, полагая, что человек должен отмеривать себе такую дозу удовольствия, чтобы она могла еще увеличиваться. Чтобы не было передозировки.

Выше страсти только разум. Ибо он одну склонность хитрым образом совмещает с другими склонностями. Страсть же односторонняя штука. Она в угоду одной склонности оставляет в тени другие. И уже не разум, а она предписывает тебе цели, в соответствии с которыми тебе надо поступать. То есть принципы человека разбиваются о страсти.

Аффекты же, поскольку они существуют, Кант предлагает использовать рационально. В целях улучшения пищеварения. Например, все тихо. Спокойно. И скоро обед. А ты побрани своих детей. Придиричь к ним. Разгневайся. Ибо гнев – верное средство для хорошего пищеварения. А чтобы успокоиться, тебе нужно сесть. Устроиться

поудобнее. И гнев твой смягчится. "Удобное сидение приходит к снижению напряжения"

Чтобы очиститься, нужно поплакать. Или посмеяться. Через эти аффекты природа содействует нашему здоровью.

49. Привычка, мысли и зов сердца

Итак, добродетель приемлема, если она возникает из мыслей, а не из чувств. А так же, если она возникает всякий раз заново и каждый раз является первым началом, а не вторым. Или третьим.

А это значит, что вот ты пожалел ближнего, помог ему из чувства сострадания, а Кант говорит тебе, что ты поступил плохо. Неосмысленно. Следуя чувству. А чувства они, ведь, преходящи. Неустойчивы. Они приходят и уходят необъяснимым образом. И на тебя самого это их движение не оказывает никакого влияния. Вот, если бы чувства можно было вызывать произвольно, то тогда другое дело. Тогда бы ты сказал себе: сострадай. И стал сострадать. Сказал себе: люби. И полюбил. Но чувства волевым образом не производятся. И поэтому ты сегодня страдаешь, а завтра проходишь равнодушно мимо того, кому ты еще вчера сочувствовал. А вот мысли – это другое дело. Их можно вызвать волевым образом. Они устойчивы. Непреходящи. Сказал себе: помогай бедным. И помогаешь. Из идейных соображений, а не по зову сердца. То есть идейно жалеть можно и с пустым сердцем. Окаменевшими чувствами. Исходя из мысли о благе. Или мысли о долге. Правда, Кант не допускает и мысли о том, что можно изнасиловать добром, рожденным из образа мыслей. Вот ты даешь ему добро из идейных соображений, а он не берет. Не понимает своего счастья. И тогда ты ему это добро можешь насильно вручить.

"Всякий раз заново" добро возникает для того, чтобы не сложилась привычка. Чтобы не сработали традиции. Обычай. Ведь, если ты будешь полагаться на традиции, то тогда добродетель будет рождена обычаем, а не тобой. А это значит, что она смещает тебя из центра. Делает тебя бессубъектным. Не ты - точка отсчета, а она. Традиция. И тогда она в тебе делает себя. А ты как попугай, только рот открываешь. Обычай лишает тебя "Я". разумности. Поэтому-то Кант и говорит, что "все привычки достойны осуждения" .

А чтобы твое Я осталось в центре, чтобы от него отсчитывались действия, добро должно быть первоначалом. У него не должно быть родственников. Друзей. Оно не должно ни на чем основываться. Только на себе самом. Да на образе мыслей. Правда, для этого человек должен быть голым. Чистым. Без привычки без культуры, без традиций. Без того, что работает за тебя и делает тебя частью целого.

Отмеченное обстоятельство делает теорию Канта уязвимой. Конечно, если у человека нет привычек, то у него нет и дурных привычек, А если нет дурных привычек, то человек перестает быть злым. И теория дозволенной моральной видимости становится ненужной. Ведь она сама строится на предположении о том, что мало-помалу тот, кто делает добро из видимости, для кажимости, в конце концов станет делать его по привычке.

Ко всему привыкает человек. И к подлости. И к святому. Человек - это его привычки. Вот ты привык подавать нищим. И подаешь. По привычке. Или привык уступать место старикам. И уступаешь. А Канту это не нравится. Ибо все это происходит по привычке. Механически. Как повторение одного и того же. Анонимно. Он полагает, что в привычке из тебя выпирает что-то животное. Инстинктивное.

Конечно, это хорошо, что ты привык подавать нищим. Это доброе дело. Но добро в нем лишено моральной ценности. Ибо поступок твой совершен

по привычке. А нужно, чтобы ты поступал из долга. Вот идешь ты и видишь нищего. И у тебя к нему отвращение. Он дурно пахнет. Но вот ты вспомнил о своей принадлежности к человечеству и о том, что нищий - это тоже человек и, поборов свое отвращение, делаешь подаяние. Этот поступок имеет моральную ценность. Ибо в нем исполнен долг.

"Добродетель не должна превращаться в привычку, а всегда должна возникать из образа мыслей как нечто новое и первоначальное"

Без привычки невозможно жить в доме по-человечески. Например, Кант. Он любил есть и пить в одно и то же время. Равно как ложиться спать и вставать. Это был его способ обживания мира. Это были его привычки. Для них Кант сделал исключение, полагая, что природа здесь не любит свободного произвола. Или вот мысль. Если бы она рождалась всякий раз заново, то никто не узнал бы ее как мысль. Далее. Добро, возникающее из образа мыслей, это не добро, а мысль о добре. Что-то идейное. Нежизненное. Поэтому добро нуждается в навыке добра, а ум - в навыке ума. В привычке к мысли.

50. Страдания и покой

Всякому удовольствию предшествует покой. Но покой не является стимулом к действию. Источником беспокойства. Поэтому Кант предположил, что "всякому удовольствию предшествует страдание". Аргументы его таковы. Жизнь человека прогрессирует. Становится лучше. И поэтому, если бы она начиналась с удовольствия, то и заканчивалась бы удовольствием. И люди бы умирали с радостью. С удовольствием. Что нелепо.

Кант делает допущения, что наша жизнь начинается со страдания. Что страдание предшествует удовольствию. Ведет к нему.

Например, у тебя умер любимый родственник. И оставил тебе наследство. Тебе горько, что его нет. И радостно, что он тебе оставил наследство. Это Горькая радость. Сладкая боль. Оксюморон, сохранивший причину действия. Страдания не нужны только мыслящему человеку. Потому что для него сама мысль является источником беспокойства. Страдания - народу. Мысль - интеллигентам. И уже одно это распределение приведет ко всеобщему движению. К полному уничтожению покоя.

51. Совесть, принципы, и поддельное добро

Человек отличается от животного тем, что у него есть изнанка. Второй план сознания. И этот план не совпадает с первым. Кант же полагает, что у человека есть принципы. И поэтому он не бросается туда и сюда, подобно туче комаров. В зависимости от каждого случая. То есть у человека есть характер. А у животного его нет.

Но что делать, если принципы когда-нибудь потускнеют, а характер ослабнет. Ведь тогда, согласно Канту, должна проступить наша животность. А она не проступает. И ожидаемые инстинкты замещаются модой. Кант относит моду к рубрике глупости. Хотя и полагает, что "лучше быть всегда дураком по моде, чем дураком не по моде". Феномен моды обесмысливает теорию человека, поступающего согласно принципам. Более того, в принципах нет теплоты. Чего-то человеческого. В них есть что-то машинное. Автоматическое. На принципах может строиться жизнь одномерного человека. А одномерный человек никогда не сокрушается. Не делает глупостей. Все, что нельзя изменить, он выбрасывает из головы как нечто далекое и анонимное. Улучшая самого себя, свои принципы одномерный человек Канта никогда не решится на действие без надежды на успех. На отчаянный поступок. Ведь он-то понимает, что нельзя изменить то, что не в твоей власти.

Кант полагает, что нет в мире причин для того, чтобы было добро. Что оно бывает из принципов. Стараниями одномерного человека. Что причины есть для зла. Что злоба - это темперамент. Природа. И никакое зло не возникает из принципов. Ведь если бы оно возникало из принципов, то тогда человек ничем не отличался бы от дьявола. И над этим злом никто бы не смог одержать победу. И прогресс был бы невозможен.

Кант не обратил внимания на феномен роддельного добра. Его заметил В.Соловьев и описал. Во-первых, принципы бывают разные. Хорошие и плохие. И нет принципов для отбора принципов. Есть мораль. И она должна предшествовать вкусу. Во-вторых, на принципе можно наладить массовое производство поддельного добра, т.е. зла. Что Кант не допускал. В-третьих, принципы возможны и у бессовестных. Сама эта возможность заставляет признать совесть в качестве того, что предшествует всяким принципам.

52. Бах и крематорий

Одинокому человеку не надо украшать себя. Или свой дом. Ему не нужно нравиться другому. Показывать себя с хорошей стороны - Лицемерить. Он живет в несимулятивном пространстве подлинного. В этом пространстве нет причин для эстезиса. Для того, чтобы возникла эстетическая дистанция. Ибо она определяется присутствием другого. А его - то как раз и нет. Себе же каждый человек и так дан полностью. Одинокий не эстет. Он этик.

Другой заставляет тебя устраивать шоу. Показывать себя. А чтобы показать себя, нужно решить, что ты будешь показывать, а что тебе лучше скрыть. Другой создает в нас изнанку, скрытую сторону как условие предъявления себя другому. Он заставляет нас выбирать. Лицемерить. И если ты угадал меру другого, понравился ему, то у тебя есть эстетическая

способность суждения. Ведь ты выбрал не то, что тебе нравится или не нравится, а то, что нравится другому.

Для того, чтобы угодить другому, нужно иметь хорошо развитое продуктивное воображение. Если бы человек зависел только от ощущения, то он ничем бы не отличался от животного. И тогда ощущения определяли бы, что для тебя приятно, а что неприятно. Но у человека вмешивается в процесс восприятия воображение. А оно свободно. И тебе нужно выбрать предметы воображения. Так вот, одинокий выбирает их в соответствии со своей природой. А публичный человек - в соответствии с природой другого человека. Первый морален. Он видит изнутри своего мира. Второй эстетичен. Он смотрит со стороны другого. Извне. Ему нужно согласовать свободу воображения с законами внешнего мира. Поэтому эстетический вкус - это правила выбора с точки зрения другого. А не просто правила выбора, как думал Кант. Выбирает и одинокий. Но одинокий не нуждается в сообщении с другим.

Теория вкуса связана Кантом с теорией аморального человека. Вообще-то, человек аморальное существо. И хитрое. И вот он хочет понравиться другому человеку. Хочет вызвать восхищение публики. Для этого ему нужен вкус. Воспитанность и манеры. То есть вкус, говорит Кант, внешне содействует моральности. А если другому нравится то же, что и тебе, то от скоординированности удовольствий можно получить еще и удовольствие второй степени. Удвоенное удовольствие. Вот ты отправил в крематорий очередную партию людей, а затем послушал фуги Баха, почитал стихи Кибирова, получил удвоенное удовольствие и эстетически подействовал своей моральности. Кант не прав. Прав одинокий в своем одиночестве. Одинокий полагается на совесть. А она находится в мире внутреннего. Кант полагается на всеобщее. А она находится во внешнем мире. Это право и нравственность. Они зависят не от твоей воли. а от устройства общества. Пусть ко всеобщему лежит через голос, который овнешняет внутренний мир. Объективирует

его. Внутренний мир чувства, воплощаясь в голосе, угасает. Поэтому люди плачут, стонут. Артикулированный голос овнешняет через слово.

Оглавление:

I. Антропология как путешествие

II. Кант против Аристотеля

III. Антропология Адама

IV. Три порока человека

V. Антропология ума

VI. Человек-актер

VII. Болезни души

VIII. Воображение и мысль

IX. Время порока

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

ГЕГЕЛЬ

I. ГЕГЕЛЬ КАК НАПОЛЕОН

1. Гегель против Канта

"Философия духа" Гегеля построена как открытая критика Канта, отказавшегося от трансцендентальной антропологии, от всеобщего в пользу случайного, особенного индивида. Что плохого в прагматической антропологии Канта? Во-первых, это ее "так называемое человекознание". Во-вторых, повышенное внимание к изучению слабостей человека.

Хорошо, обнаружил ты свои слабости. Недостатки. Познал их. Но это ведь знание интересно только тебе, а не всему человечеству. Не философии. Следуя за Кантом, любой человек становится нянькой своих случайных свойств. Прагматическая антропология Канта – это не антропология, а психология. Учебное пособие для тех, кто занят самокопанием, изучением своих особенностей. И

одновременно - это измена всеобщему. Философии.

Гегель решил поправить Канта, т.е. вернуть философию на путь всеобщего. Ведь философию интересуют не детали, не экзистенция человека, а человек как таковой. Его суть. А кто он: мужчина или женщина, старый или молодой, больной или здоровый, белый или черный, верующий или неверующий - все это не так уж и важно. Все эти различия растворяются в понятии чувствующей души. Это она дергает за ниточки, а человек плачет, смеется или сходит с ума. Правда, сами по себе чувствующие души не существуют. Никто их не видел. Даже Гегель. Поэтому спекулятивное мышление вводит их предположением. Конечно, Гегель не дурак и понимает, что для обывателя кантовское человекознание "несомненно полезно и нужно, особенно при дурных политических обстоятельствах, когда господствует не право и нравственность, но упрямство, прихоть и произвол индивидуумов, в обстановке интриг, когда характеры людей опираются не на существо дела, а держатся только на хитром использовании своеобразных особенностей других людей, стремясь таким путем, достичь своих случайных целей"

В правовом обществе тебе не нужно знать особенности человеческого характера. Тебе все равно, - с какой ноги встал твой шеф. Под какой звездой родился судья и какие склонности у налогового инспектора. В правовом обществе дела делаются вне зависимости от случайности свойств человеческого характера. Они делаются по праву и каждый человек в этом обществе - это некий правовой автомат. Природа же вставляет палки в колеса этого автомата, в ритмичное движение всеобщего.

Если антропология и нужна, то для изучения механизма этих правонарушений.

2. Наполеон и Гегель

"Человек" достаточно неопределенное понятие. Поэтому Гегель вводит представление об индивидууме и всемирно-историческом индивидууме. Не всякий индивид может стать всемирным индивидом. Неважно, что человек есть, ибо он есть как природное существо как индивидуум. Важно, что он должен делать. Ибо должен делать он как личность. Сущность человека - это его обязанности. Социальные роли. Все немецкие философы помешались на идее должного, полагая, что о человеке нужно судить не по свойствам бесконечно большой массы индивидуумов, а по великим характерам. По всемирно-историческим индивидуумам. В этих индивидуумах человеческая природа проявляется в чистом виде. "Великое может быть осуществлено великими характерами"^. Новая история знает по крайней мере два таких характера. Это Наполеон и Гегель. Если Кант, как скромный человек, предполагал изучение тех, кто к тебе ближе, то Гегель предлагает изучать творцов истории.

Каждый человек должен обнаружить себя. Показать, что он есть в себе. Как показали себя Наполеон и Гегель. Чтобы потом в результате показа можно было сделать вывод о том, что ты есть. Человеком может стать не всякий индивид. А только тот, кто соощен с ходом истории.

3. Предмет антропологии

Гегель меняет Кантовские представления об антропологии. Предметом его антропологии является человек в себе. Или природа человека. Нечто непосредственное. Например, душа. Предметом феноменологии является человек для себя. Или дух человека. Нечто опосредованное. Например самосознание. В строгом смысле слова Кант, по словам Гегеля, занимался не антропологией, а феноменологией. И психологией человека,

Антропология рассматривает бессубъектные состояния человека. Феноменолога интересует то, что человек сам делает из себя. Антрополог исключает из рассмотрения сферу всеобщего, например, воспитание и образование. Ему остается изучать природные определения души.

4. Гегель против Фихте

"Любому человеку, чтобы не погибнуть, нужно понять, что мир существует самостоятельно и в основном закончен"^ . История определилась. И каждый живет в режиме теперь, когда все уже случилось. И ничего впереди. Это раньше жили в момент, когда все еще только начиналось. И все было впереди. Следовательно, упования Фихте на дело-действие не имеют с точки зрения Гегеля смысла. Назначение человека не в том, чтобы менять мир к лучшему. А в приспособлении к нему.

Субъектность человека реализуется не на практике, а в сфере духа. Вот, например, Фихте. Ну, зачем ему было вступать в ополчение, воевать с Наполеоном. Ведь есть ход истории и никто его не может изменить. Даже этот рыжий и вечно красный Фихте. Лучше бы он пас гусей. А так бесславно погиб. Умер от холеры. И ничего.словно всплеск лягушки в тихой заводи. Если тебе не удастся переменить мир, меняй понятия о мире. И весь мир будет у тебя в кармане, ибо понятия правят миром. Все мы теперь обыватели. Мещане. Например, Гегель. В жизни он обыватель. Абсолютно заурядный человек. Но в мире понятий он Наполеон. Всемирно-исторический индивидуум.

Содержание:

I. ГЕГЕЛЬ КАК НАПОЛЕОН

II. АНТРОПОЛОГИЯ ВОЛИ

III. ДУША КАК ПОМЕХА

IV. БОЛЕЗНИ ДУШИ

V. РЕЗЮМЕ

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я" я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
И я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
е люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

ГЕГЕЛЬ

II. АНТРОПОЛОГИЯ ВОЛИ

5. Раб и господин

Если мир закончен, а Гегель на этом настаивает, то тебе надо в нем лишь уметь повиноваться. И Кант, и Гегель обожали дисциплину. Порядок. Они думали, что тот кто умеет подчиняться, тот сумеет и повелевать. Желание повиноваться неизбежно встречается со стремлением повелевать. В результате возникает пространство власти. В нем один будет господином, а другой – рабом. Например, Кант. Ему сказали, чтобы он не высказывался по вопросам веры. Он и не высказывался. Хотя и остался при своем мнении. Или Гегель. Французы наступали. Он убежал. И убегая, потерял рукопись своей книги. Но он же не идиот, чтобы идти в ополчение. И сопротивляться завоевателям. Нельзя что-либо делать без надежды на успех. Гегель умер буднично. Дома. От неожиданной боли в сердце.

"Чтобы стать свободными... народы должны пройти через страшную дисциплину и подчинение воли господина"^. .

6. Человеческое вне человека

В человеке нет ничего человеческого. Это одна из любимых мыслей Гегеля. Но не в том смысле, какой придает этой мысли большинство людей. Ведь глупое большинство думает, что раз в человеке нет ничего человеческого, то, значит, этот человек подобен животному, что он как зверь. А речь-то идет о другом. О том, что нельзя искать человека в дискретно выделенном теле. Тело ничего не прибавляет к понятию о душе. Оно ничего не прибавляет и к понятию о человеке.

Ведь человеческое не в человеке, а в мире человека. Мир же этот большой. И он всегда вне дискретно выделенного тела. Так вот, этот мир плетет свои нити. И все, что в человеке есть для себя, все, что в нем общезначимо и универсально, состоит из этих нитей. Ведь любой человек - это он и его родственники, друзья и враги. Это взаимные притяжения и отталкивания. Бесконечность связей и зависимостей.

Следовательно, Кант в своей антропологии занимается по преимуществу малозначительными деталями субъективной сферы. А не смыслами, осевшими в праве и нравственности, государстве и собственности. Поэтому отказ Канта от систематического изображения человека не оправдан. Согласно Гегелю человек - это ансамбль социальных отношений.

7. надломленный человек

"священно только то, что разумно и знает о разумном"^. . Если верить Гегелю, то антропология

- это рассказ о том, как человек потерял свою невинность. Свою непосредственность. И освободился от диктата души. Он господства природных стихий. Ничто природное не может быть целью человека. Оно уже само по себе ничтожно и подлежит уничтожению. И -все-таки у каждого человека есть тело. И с этим вынужден считаться даже гений Гегеля. Полону что оно дает о себе знать, например, болью в сердце.

Тело конечно. Дух бесконечен. И конечному трудно нести на себе тяжесть бесконечного. Встреча тела и духа надламывает человека. Калечит его. В мире существует много надломленных людей. И ничего с этим не поделаешь.

Содержание:

I. ГЕГЕЛЬ КАК НАПОЛЕОН

II. АНТРОПОЛОГИЯ ВОЛИ

III. ДУША КАК ПОМЕХА

IV. БОЛЕЗНИ ДУШИ

V. РЕЗЮМЕ

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я" я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
И я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
е люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

ГЕГЕЛЬ

III. ДУША КАК ПОМЕХА

8. Ничтожность души

назначение человека состоит в том, чтобы в себе самом уничтожить ничтожное. Наличным существованием ничтожного является душа. Вот ее-то и надо извести. Погубить. И главный ее погубитель Гегель. Но без присмотра остается тело. Телом же, каждому нужно овладеть как своим орудием.

9. Душа как помеха

Гегель видит в душе некую помеху. Каждый человек мечтает быть субъектом. Автором действия. А душа мешает. Она не субъект, а субстанция. Она навязывает тебе претерпевания.

Созерцания и страсти. А ты хочешь действовать. Быть личностью, а не болтаться, как туча комаров, из стороны в сторону. Ведь душа зависит, например, от полнолуния. От приливов и отливов. От сопряжения с планетами солнечной системы. А тебе надо быть вне зависимости от настроений пвоей души, чтобы не потерять из вида всеобщее.

10. Метки души

Душа дает о себе знать разными способами. Тебя еще не было, а душа твоя уже участвовала в жизни мирового целого. Она многое видела и многое знает. И вот пока ты в единстве с природой, пока ты еще в себе, она тебе может принести пользу. Может помочь. Например, благодаря душе ты можешь предвидеть события. Узнать то, чего еще нет, но скоро уже будет. Например, раны людей дают знать об-изменении погоды. Это знание не когитальное и не трансцендентальное. А живое. За ним стоит душа. И природа, на которую реагирует душа. К примеру, зимой люди самоуглубляются и меньше разводятся. Обстановка зимы располагает к семейной жизни. Летом же хотят свободы. Избавляются от уз и больше путешествуют. Если утром люди серьезны, то вечером они позволяют себе размышления и фантазии.

Если бы люди были, как у Декарта, простыми автоматами, на них бы не влияли фазы луны. А так к людям, благодаря душе, приходит беспричинная тоска и иногда им хочется завывать по-волчьи.

Даже умирают люди одинаково. Как правило, после полуночи. Человеческая душа как бы не в состоянии начать еще один "рабочий" день. И это хорошо знали древние, жившие в более тесной связи с природой, чем современный человек. Греки и римляне ставили в зависимость от природы свои политические решения. У них были

не исследовательские институты, а оракулы. И для этого тоже были свои причины. Ведь очень часто исход сражения зависел от храбрости отдельного человека, от его физического состояния. А оно, в свою очередь, зависело от космоса, от времени года, от места и времени суток. Это сегодня войны ведут автоматы, не зависящие от времени года, от настроения людей. Цивилизация не нуждается в душе человека. В знании зависимостей от Космоса.

11. Цвета и запахи

пока у человека была душа, он онтологически реагировал на звуки и цвета. По ним люди ориентировались в мире. Вот, например, чёрный цвет. Он вызывает в нас печаль. И достоинство. Черный человек опасен Синие цвета сопряжены с созерцанием. Покоем- С ними ты пассивен, кроток, прост. Любовь, как и женственность, всегда синего цвета. Желтое веселит. Но в нем много желчи. Красный цвет царственен. Белый - невинен. В нем много простых радостей.

Все, что есть человек, выражается звуком. Голосом. В голосе воплощается и умирает чувство. Чтобы узнать человека, нужно услышать его голос. По мере роста цивилизации человек теряет контакт с миром звука и цвета. Его голос перестает что-либо значить Люди начинают ориентироваться только на мышление. А оно не пахнет, не звучит и не имеет цвета.

12. Сон

Гегель согласен с тем, что душа говорит во сне. И что ее надо уметь слушать. Особенно в полночь. В то время, когда люди спят крепко. И их души уходят в себя, сосредотачиваются и прозревают. Полночные сны не обманывают даже философов. Сон вообще славен тем, что он

возвращает тебя из состояния раздвоенности в единство с самим собой. Вот, например, ты, как Декарт, поспишь до обеда, часов 10 и проснешься цельным. И бодрым.

13. Личность как автомат

Гегель раскрыл одну большую тайну гуманистов. Оказывается, что все личности одинаковы. Бездушны. Чем образованнее человек, тем меньше в нем индивидуального и случайного. Тем больше в нем усредненного. Нормального. Личности дают простор для действия безликого, всеобщего. Личность, как духовный автомат работает на принципах и не знает настроений. Энтузиазма и пафоса. С ростом цивилизации растет число личностей и падает значение эмоций.

14. Одинаковый порядок для индивидуумов

Другая же тайна состоит в понимании того, что все индивиды различны. Но этому различию Гегель не советует придавать слишком уж большое значение. Ну хорошо, ты голубоглазый. Но ведь это не твоя заслуга. Здесь говорит не самость, а природа.

Когда-то Платон полагал, что справедливо к разным людям относиться по-разному. Гегель не берет в расчет природные различия. Вот, например, дети. Все они разные. Есть и талантливые, и бесталанные. Но на этом основании нельзя одних детей отделять от других и помещать их, допустим, в школу для одаренных. Учитель вообще не должен обращать внимание на индивидуальность учеников. "Скорее следует, - говорит Гегель, - считать пустой, бессодержательной болтовней то утверждение, что учитель должен заботливо сообразовываться с индивидуальностью каждого из своих учеников... На это у него нет времени. Своеобразие детей

терпимо в кругу семьи; но с момента вступления в школу начинается жизнь согласно общему порядку, по одному, для всех одинаковому правилу": если индивида поместить в лагерь с общим порядком и одинаковыми правилами, то из него получится личность.

15. Гении

Гегель - не гений. Гении коренятся в почве. В земле. Нельзя стать гением. Им можно только быть. Но философия зависит не от почвы. Не от природы. А от дисциплины логического мышления. Поэтому в философии гениальность ничего не значит. На ней далеко не уедешь. Гений Гегеля упорядочен дисциплиной.

Любая особенность человека может стать его гением. Если она имеет решающее значение для поступков и судьбы человека. Каждый знает себя либо по внешней жизни. Либо по внутренней. И то, что ты представляешь собой вовне, не совпадает с тем, что ты представляешь собой изнутри. И вот это-то внутреннее существо и составляет твой рок. Судьбу. Твой гений.

16. Кент и Лир

Гегеля тянуло к Шеллингу. Даже когда они были в ссоре. Сильный духом всегда имеет магическую власть над слабым. Например. Кент слаб. Король Лир силен. И поэтому он имеет рациональные необъяснимую власть над Кентом. Кента влечет к Лиру, как кролика к удаву. Кенту кажется, что лицо Лира имеет такое выражение, что ему хочется называть его господином.

вообще-то, сами по себе господа не существуют. Некто господин, если к нему относятся как к господину. Основанием такого отношения могут быть деньги, власть, сила, престиж. Но в данном

случае нет этих оснований. Несчастный Лир уже сам по себе господин. Еще до всякого к нему отношения. И поэтому он гипнотизирует Кента. Притягивает его к себе. И это действие нельзя объяснить магией. Например, ты хочешь поднять руку и поднимаешь—Это магическое отношение. Волевое. Но если ты захочешь, чтобы другой поднял руку, то он может ее и не поднять. Здесь нет магии. Для того, чтобы она появилась, нужно убрать посредника. Волю другого. Магическое отношение всегда прямое. Непосредственное. И поэтому оно возможно среди друзей, между членами семьи. И особенно между слабонервными подругами.

17. Сознание и бессознательное

Мир полон чудес. А Гегелю хотелось, чтобы он был заполнен причинами. Следовательно, ему надо "понять все чудесное" в терминах рационального сознания.

Чудо первое. Вот, например, ты заболел. У тебя высокая температура. И твое сознание начинает показывать тебе незнакомые картинки или давно забытые. Откуда они? Конечно, ни один человек не может знать, сколько знаний он имеет в глубине себя. Возникает вопрос о природе этого знания. Оно что? Было в сознании, а затем ушло? Стало бессознательным. Но тогда бессознательное стоит понимать как сознание. Как то, что в нем было и ушло. А в своем сознании ты не можешь ошибаться. И, следовательно, все, что там, в твоей глубине, ты уже знаешь. Нужно только вспомнить. А это проблема памяти.

Или же в твое сознание нечто проникает тайно. Скрытно от тебя. И затем уходит в глубины твоей самости. Но если в моем сознании есть то, что я не знаю, то это уже не сознание. Нет никаких запретов и на то, чтобы какое-то знание сразу попадало в сферу бессознательного. Не заходя в сознание. А потом уже оттуда, из подвалов, что-

то попадает и в сознание. Но тогда бессознательное – это субстанция. Нечто самодействующее. А если оно самодействует, то это значит, что оно может действовать и помимо сознания. Главное взять под свой контроль волю. А на волю можно воздействовать через склонности, страсти и эмоции.

Гегель полагает, что мышление как нейтрино, проникает повсюду. Даже в чувство. Но если сознание проникает в чувство, то тогда чувство замещается осознанием чувства. А сознание не может вводить в заблуждение само себя. И не может показывать себе "клипы", которые оно не создавало. То есть никакого объяснения "чуду" Гегель не предложил.

18. Задушевные люди и рассудочные

Нельзя сделать так, чтобы душа у человека была, а чувств, у него не было. Душа говорит на языке чувств. И поэтому Гегель называет душу "чувствующей". Но ему ближе не душа, а сознание. Ведь сознание может мыслиться и вне зависимости от чувств. Как нечто когитальное. Или трансцендентальное. Следовательно, и люди могут быть либо с душой, либо с сознанием. Согласно Гегелю, люди, как яблоки. К определенному времени созревают. То есть начинают с неспелой души – заканчивают зрелым сознанием.

Всякая личность рациональна. Чтобы ни происходило, она никогда не забывает о себе и о своих целях. И всегда поступает согласно целям. Вот. умер твой друг. Сослуживец. И тебе его жаль. Но ведь и вакансия освободилась. И ты можешь ее занять. Отсюда возникает "сладкая боль". Или "горькая радость", оправдываемые и Кантом, и Гегелем.

Задушевные люди не личности. Ибо они полностью отдаются чувству. А чувство не знает цели. В

нем содержатся чуждые сознанию определения. То есть, если в тебе есть душа, то ты не можешь страдать наполовину. Печалиться на одну десятую. Задушевный человек забывает о цели и поступает согласно чувству. Он не испытывает "горькой радости" по поводу смерти ближнего. У него бывает беспричинная тоска и чувство бессмысленности жизни. Гегелю не нравятся задушевные люди. Их грезы и предчувствия. Ему нравятся рассудочные люди. Душа - это болезнь. Это смутное сознание, от которого нужно избавиться.

"Неправильно придерживаться чувства и сердца вопреки разумности мысли... ." ^ Вот тебе надо как-то поступить. Решить что-то. А решить ты можешь или по совести, или по закону. Гегель вообще не понимает такой проблемы. В любом случае он рекомендует действовать по инструкции. По праву. По закону. Действуй, и ты будешь разумен. Прав. Какая совесть? Какой стыд? Ведь все это только чувство. Нечто субъективное и произвольное. В составе практических чувств учителя нет даже намека на то, что называют совестью. Более того, .совесть не произвольна. Она в нас, но не зависит от нас. Вот этот факт Гегель и вовсе не принимает в расчет.

Гегель говорит много грозных слов в адрес тех, кто видит в чувстве высокую ценность. Он думает, что с переходом от чувства к праву ничего не теряется ценного. Что слова не вредны для чувства.

19. Понятия и грезы

Чудо второе. Чудеса бывают в нашей жизни потому, что еще не все люди избавились от души. Не все развили в себе рассудочное сознание. Вот пришло время зрелости, а кто-то его пропустил. Не успел созреть. Задержался в своем развитии. И поэтому в нем доминирует чувствующая душа, а

не сознание. А это значит, что внутреннее и внешнее взаимно действуют без всяких посредников. Непосредственно.

Внутреннее же всегда скрыто. Внешнее – открыто сознанию. Вовне действует всеобщее. Внутри – особенное. Там необходимость. Здесь – случайность. Во внешнем мире требуются понятия. Во внутреннем мире достаточно предчувствий.

Сознательной жизни во внешнем мире противостоит душевая жизнь во внутреннем мире. В первом случае есть правило, законы и понятия. Ты на них можешь опираться. Во втором – нет ни правил, ни законов, ни понятий. Есть одни предчувствия. А они случайны. На них нельзя строить свою жизнь. Поэтому Гегель и предлагает от них избавиться.

Цитата из Гегеля: "Обстоятельства смешиваются, следовательно, случайным, в каждом данном случае особым, способом с внутренним существом индивидуумов, так что эти последние отчасти в силу обстоятельств и в силу того, что является общезначимым, отчасти же в силу своего собственного особого внутреннего определения превращаются как раз в то самое, что из них выходит"

Из одного "выйдет" и он начнет видеть металлы под землей. Другой так установится, что может книги читать с завязанными тазами. А один крестьянин, как собака, взял след убийцы и шел по запаху до тех пор, пока его не нашел".

20. Другой

Гегель желал расставания с душой. Расставание с душой начинается с раздвоения. С самости. Ведь пока в тебе живет душа, ты не сам. Ты медиум. Нечто пассивное. И твое Я пусто. Но это не значит, что твоей самости нет вообще. Она есть, но вне тебя. То есть твоя самость смотрит на

тебя со стороны. Извне. И нужно ее узнать. Твоя самость – это другой. Тебя еще не было, а другой уже был.

Первобытная самость человека – это его мать. Между матерью и ребенком складываются магические отношения. Непосредственное тождество внутреннего и внешнего. Поэтому беременная женщина, как замечает Гегель, должна быть осторожной. Ведь ребенок открыт воздействию ее души. Он лишен опосредствований. И если она испугается, то будет напуган и ребенок. Если она повредит себе руку или подумает о том, что может повредить, то и у ребенка будут повреждения руки.

21. Магнетизер

Чудо третье. Можно жить пассивно. Созерцательно, как ребенок в утробе матери. Но за эту жизнь надо заплатить. Нехватка воли и ума у тебя оборачиваются властью над тобой другого.

Другой становится твоей душой. Твоим магнетизером. И твоим сознанием. А ты становишься сомнамбулой. Больным. Вот другой поел, а у тебя возникает ощущение сытости. Он стал собственником, а в тебе возникает чувство собственника. Но с этими чувствами нельзя усмотреть естественный ход событий. Твоя душа заполняется ощущениями и представлениями другого. "Она видит, нюхает, пробует на вкус, читает, слышит в другом" – А не в себе. Гегель пугает нас душой. А страшно от другого. От его манипуляций с твоим сознанием, твоими чувствами и волей. Роль другого по отношению к чувствам исполняется умом. Ум – это всегда другой. Он пуст. И как насос засасывает в свою пустоту все то умное, что есть в чувствах, в душе, в созерцании.

Ссылка на чувство может избавить тебя от

общения с другими. Поэтому Гегель запрещает ссылаться на чувство. Нельзя говорить с самим собой без другого. Он пишет: "Если кто-либо... ссылается не на природу или понятие предмета, или по крайней мере на основания - на рассудочную всеобщность, но на свое чувство, то ничего другого не остается, как предоставить его самому себе, ибо вследствие этого он отказывается от общения на основе разумности и замыкается в свою субъективность - в круг своих частных интересов" ^.

22. Животный магнетизм

Чудо четвертое. Иногда люди читают подложечной областью, а слышат пальцами. Почему? Гегелю надо ответить на этот вопрос, не ссылаясь 'на другого. Вот ответ: "Как в чувствующей субстанциональности нет противоположности к внешне объективному, так и внутри самого себя субъект существует в таком единстве, в котором все частные особенности чувствования уже исчезли, так что, поскольку деятельность органов чувств здесь замерла, общие чувство приобретает теперь особые функции..."

Если перевести этот ответ на русский язык, то он будет звучать так: Только сознание различает и знает многообразие форм, их необходимые связи и опосредования. А душа ничего этого не знает. Рассудок не дурак. К определенной форме внешнего мира он подступает посредством определенного органа чувств. Например, если это духи "аллюр", то у них должен быть запах. А его нюхают, а не слушают. И рассудок это знает. А поскольку душа лишена способности различать, постольку она и внутри себя ничего не различает.

Она нос от глаза отличить не может. И поэтому душа использует чувство вообще. Например, тебе нужно что-то увидеть. Душа посылает общее чувство к пальцам и ими смотрит. Или тебе нужно послушать. Ну, а душа дает команду носу и тому

ничего не остается делать, как не приноживаться, а прислушиваться. Вот это все Гегель называет животным магнетизмом. Правда не понятно, что плохого в том, что происходит замещение одного чувства другим.

23. Видения

Чудо пятое. Оно формулируется Гегелем так: "Душа есть нечто всепроникающее". Она одна на всех. Все люди - в пространстве и времени. А она над людьми. Вне пространства и времени. И поэтому благодаря душе далеко видно. Например, ты вот здесь, в Расторгуево, а она там, в Химках. И тебе отсюда хорошо видно ее зеленую кофточку. Раньше у людей часто были видения. Потому что наша жизнь была близка природе. И у них была душа. А теперь все мы образованы. И поэтому страшно далеки от природы. И видения перестали посещать нас. Хотя еще и сейчас некоторые моряки предчувствуют бурю, а лица со способностью второго зрения заранее видят себя в тех ситуациях, в которых они окажутся позднее. А иногда они точно предсказывают час своей кончины. Но эти люди почти никогда не встречаются среди интеллигенции. Отчего им трудно перевести свое ясновидение в рассудочную форму.

24 Инстанция помешательства

Душа - событие. С этим согласен и Гегель. Но из этого события нельзя извлечь "Я". Душа скромна своей непосредственностью Я кичится чистотой своего опосредования. Я как всеобщий эквивалент Сует свой нос в любое дело. И поэтому одно из другого не следует. А без Я Ты обезьяна. Это уже Кант установил.

А делать что-то надо. И тогда Гегель помещает между душой и Я то, что он называет инстанцией помешательства. Вот душа говорит, что хочет, чтобы у нее было Я. А ей отвечают. Ты, мол,

матушка, пойдя сначала в дурдом, раздвоись, а уж потом, по выходе, каждая душа получит по Я. И осознает себя. И овладеет собой. Вот цитата из Гегеля: "Мы не хотим сказать, что каждый дух каждая душа должна пройти через это состояние величайшей внешней разорванности" Но Гегель лукавит. Не все пройдут через дурдом. Но все будут помешаны. Ведь все глупы, а глупость - это, как говорит Гегель, мягкая форма помешательства. Большинство обойдется домашними средствами. Меньшинство же нужно лечить. И Гегель с восторгом описывает жизнь в дурдоме где сумасшедшие являются своими же и надзирателями, где дни иронизируют над своим сумасшествием.

У Канта рассудок и воображение соединялись за обеденным столом. Гегель пошел в своей антропологии еще дальше. У него субъективное и объективное соединилось в дурдоме.

25. Безумие

Каждый человек идет к себе. И Гегель идет к себе. Но чтобы прийти к себе, нужно свихнуться. Сойти с ума. Растянуться между субъективной и объективной деятельностью.

Ведь помешанный - это не просто два человека в одном. Как у сомнамбулы. У каждого из нас есть что-то сомнамбулическое. И это не страшно. Помешанный - это два в одном состоянии у одного человека. Если ты выдаешь желаемое за действительное, то ты уже сумасшедший. Если твой ум кипит от возмущения неразумеем, то ты сам близок к безумию.

Только человек имеет привилегию на безумие. Ибо только у него есть ум. Помешательство - это болезнь рассудка. А не души. Но Гегель рассудок относит к ведению феноменологии, а болезни рассудка - к антропологии. Лечить нужно не души, а рассудок. Но у Гегеля все происходит

шиворот-навыворот. У него болеет рассудочное сознание, а он лечит душу. У души свой горизонт, своя негация, а именно: бездушие. Но бездушие Гегель называет институцией рационального Человека и относит ее к объективному духу.

Содержание:

I. ГЕГЕЛЬ КАК НАПОЛЕОН

II. АНТРОПОЛОГИЯ ВОЛИ

III. ДУША КАК ПОМЕХА

IV. БОЛЕЗНИ ДУШИ

V. РЕЗЮМЕ

БИБЛИОТЕКА ХРОНОСА

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

"я" я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
И я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
е люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

ГЕГЕЛЬ

IV. БОЛЕЗНИ ДУШИ

26. Пустое Я и сумасшествие

С тех пор как у человека появилось "Я", он пошел по пути ума. И Гегеля это радует. Но человек идет к уму, а приходит к безумию. И нужна заумь, чтобы ум можно было спасти от безумия. Но в XIX веке этого еще не знали. И поэтому полагали, что самое умное - это сохранить пустоту "Я". Сохранить как нуль. Как точку отсчета. Ведь тогда все, что попадает в тебя, это Я будет расставлять по своим местам. И расставлять надлежащим образом, оставаясь пустым и поэтому объективным. Если же "Я" не соблюдает нулевой принцип своего существования, то оно становится чем-то особенным. Случайным. И поэтому пристрастным, отсчитывая расположение каких-либо вещей от этой своей случайной особенности. Наряду с пустым Я в нас появляется еще и содержательное Я. И каждое отсчитывает от себя. А мы сходим с ума. Вот пример логического сумасшествия из феноменологии Гегеля: "Я все

познаю, как все принадлежащее мне, как "Я", что каждый объект Я постигаю как звено в системе того, что есть Я сам.

27. Формы помешательства

Гегель выделяет три формы помешательства: 1. Слабоумие, рассеянность и бестолковость. 2. Тупоумие. 3. Безумие.

Рассеянным был Ньютон. Например, однажды он схватил палец одной дамы, чтобы с его помощью набить трубку. Бестолковый за все берется и ничего не доводит до конца.

Тупоумными Гегель называет женщин, погруженных в мир своих частных интересов. А так же англичан: например, один англичанин хотел повеситься, а на него напали разбойники. И он, дурак, стал защищаться. И полюбил жизнь. Хотя должен был повеситься. Бешенство безумия характерно для французов. Потому что они устраивают всякие революции, воплощая в жизнь свои идеи.

28. Лечение помешанных

Сумасшедших надо заставлять работать. Гегель с упоением описывает, как один шотландский арендатор трудотерапией исцелил больных, запрягая их по шести человек в плуг и заставляя работать до изнеможения. Больные вылечились.

К тупоумым Гегель рекомендует применять методы шоковой терапии. Один англичанин вообразил, что у него стеклянные ноги. Что он не может ходить и его надо носить. На него спустили немецких овчарок. Он побежал и исцелился. А другой ходил и всех уверял, что он умер. Ну и поэтому не может есть. Врач ему и говорит: хорошо, раз ты умер, ложись в гроб. Положили его в гроб и

отнесли в склеп. А там уже стоял другой гроб. И в нем лежал, притворившись мертвым, другой человек. Когда все ушли, актер встал из гроба. Порадовался соседу. Достал еду и стал есть. Помешанный удивился. А симулянт ему и говорит, что ты, мол, не удивляйся. Я уже давно умер и знаю, как живут мертвые. Присоединяйся ко мне. Помешанный присоединился. Стал есть и пить. И исцелился. Симуляция целебна.

29. Привычка

Тело противостоит уму и в этом противостоянии можно поддаться слабости, сойти с ума и заняться телом. Сама эта возможность пугает Гегеля. И поэтому он обращается за помощью к привычке. Чтобы не сойти с ума, человеку нужна привычка. Упражнение и повторение. Если ты ничего не понимаешь и у тебя ум за разум заходит, то тебе нужно отказаться от ума и положиться на привычку. Она не подведет. Она даст тебе передышку. Свободу от рассудка и чувств. От их реакции. И от тела. Например, на улице мороз, а тебе не холодно. Ты привык. Или вот тебе говорят, что-то новое, а ты не слушаешь. Потому что привык не пропускать в себя ничего неизвестного.

"Благодаря привычке Я существую, - говорит Гегель, - как мыслящее существо для себя"". Ведь если не будет привычки, то уму нужно будет постоянно отвлекаться от дела мысли и заниматься тем, что делает тело. То есть существовать для него, а не для себя. Привычка, делает человека ловким. В ней душа становится чем-то внешним по отношению к себе, а тело без всякого сопротивления пронизывается душой.

30. Жест

То, что внутри, устремляясь к тому, что вовне,

на поверхности глубокого образует жест. Гегель усматривает абсолютный жест в вертикальном положении человека. В нем демонстрируется полнота воли. Человек ходит не потому, что слез с дерева и взял в руки палку. А потому, что хочет ходить. Он стоит прямо потому, что хочет стоять, а не потому что хочет быть рабом работы. Гегеля приводит в восторг своей жестовой природой рефлексивные удвоения типа: хочу хотеть.

Всякий монах – это тоже жест. Но Гегель протестант. И поэтому он монахов не любил, считая монашеские воздержания неразумными. Хотя эти воздержания относятся к технике души, а не к технике сознания.

31. Дух и признание

Полагая привычку в качестве спасительного средства от помешательства, Гегель должен принять и традиции. Ибо традиции – это привычки многих людей в течение длительного времени. Но принимая традиции Гегель должен умерить притязания Я. И притязания духа. Ведь Я по отношению к духу – это то же, что и привычка по отношению к традиции. Я начинает с себя. Оно в центре. Оно все опосредует и полагает все сущее как свое. И дух полагает все сущее как свои определения. Это душа – скромница. Она принимает сущее как сущее. И поэтому ей близки традиции. Ведь если существуют традиции, то это то, что не полагается Я. А наоборот традиция полагает себя во всяком Я. А это значит, что традиция выбивает Я из центра. Смещает его. И связывает людей, минуя их Я. И тогда все события, описываемые в феноменологии, теряют цену. Девальвируются. Гегель думал, что Я ограничивается не-Я. И чтобы убрать ограничения, нужно взять отношение Я к самому себе. То есть предметность как бы выкидывается. Например, вот есть сознание. И есть предметность сознания. И эта предметность противостоит сознанию. Ограничивает его. А ты

возьми и выкини эту предметность. Возьми сознание как предмет, а самосознание как субъект. И получится, что и предмет у тебя есть и сознание не выходит за пределы самого себя, т. е. ничто его не ограничивает.

А потом, после снятия границы, Гегель найдет другие проблемы. Это будет проблема другого Я. Должно быть либо одно Я. Либо ни одного. А их много. И это непонятно ни Канту, ни Гегелю.

То есть жизнь духа сводится к борьбе за признание одного Я другим Я. Одним самосознанием со стороны другого самосознания.

Всякое Я ограничено традицией, которая делает проблему признания несущественной, ибо традиция - это уже признанность. Тебя заранее в ней признают.

32. Мышление и воля

Воля - это приз. Награда победителю. Кто же победил? Чувство просило Гегеля о награде. Он отказал ему. И воображение просило. И воображению отказал. И страстям отказал. Гегель отдал этот приз мышлению. "Так что без мышления не может быть никакой воли..." .

Человек настолько является волевым, насколько он мыслит. Животное не мыслит и поэтому оно не имеет никакой воли.

Но если мысль и воля соединились, то у мысли не может быть никаких проблем для реализации. Ведь мыслить - значит вопить. Велеть. И всякий мыслящий становится богом, по слову которого совершаются все дела. А жизнь - это просто логический процесс. Все было бы хорошо, если бы не было бытия. А оно есть. И сопротивляется логике. И мысли не осуществляются. И цели не совпадают с результатами. Чтобы бытие не сопротивлялось, Гегель объявил о тождестве

бытия и мышления. "То, что мыслится, есть и... то, что есть, есть постольку, поскольку оно есть мысль... ". Но бытие тождественно мысли в том смысле, что предметом мышления являются мысли. Например, ты хочешь помыслить чувство. Но помыслить чувство нельзя. Оно индивидуально. Помыслить можно то, что мыслится в чувстве. Что объективируется. И только. Но ведь чувство – это не мысль о чувстве. Человек – это не мысль о человеке. Не то, что в нем мыслится. В нем есть и то, что не мыслится. Бытие и мысль не совпадают. А если они не совпадают, то воля и мышление не связаны. Вернее, воля существует благодаря нетождественности бытия и мышления. И чем она заполнит пропасть между ними – не ясно. То ли страстями, то ли воображением, то ли мыслью?

Нетождественность бытия и мышления делает возможным и разрыв между умом и словом. То есть умным могут быть поступки. Дела. А не вербальный эквивалент поступка. Чтобы не допустить самой мысли и возможности разрыва между бытием и мышлением, мышлением и словом, Гегель называет такой разрыв злом. Несовпадением между бытием и должным.

Содержание:

I. ГЕГЕЛЬ КАК НАПОЛЕОН

II. АНТРОПОЛОГИЯ ВОЛИ

III. ДУША КАК ПОМЕХА

IV. БОЛЕЗНИ ДУШИ

V. РЕЗЮМЕ

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002

я" я услышал в день своего пятидесятилетия, едучи в трамвае.
И я решил, что хорошо бы, чтобы о моем представлении про
е люди. И вот я взялся за написание этой книжки...

Гиренок Федор Иванович

Антропологические исследования

ГЕГЕЛЬ

V. РЕЗЮМЕ

1.

Человек не должен оставаться природным существом. Если он останется природным существом, то не узнает, что непосредственно он не таков, каким он должен быть. А если не останется, то узнает. Люди любопытны. И Гегель рассчитывает на то, что просто из любопытства люди захотят узнать, какими они должны быть. Но за знания нужно платить. Вот и люди захотели узнать должное и нарушили волю Бога. И поплатились за это. Их выгнали из рая. Из того места, где бытие непосредственно.

2.

То, что полагает самого себя как цель, выше того, что полагает как цель другого. Этой формулой Гегель расчищает дорогу рациональному человеку и отказывает в праве на существование сердечному человеку. Ведь сердечный человек

ориентируется на самооценку отношений между людьми. Его действия осуществляются помимо интереса. Вне цели. Так вот Гегеля такого рода люди раздражают. Ибо никто из них не полагает себя как цель. Все, что делают сердечные люди, даже и поступком-то назвать нельзя. Они готовы пожертвовать жизнью ради того, что вообще не входит в состав их цели.

3.

1. Ничто не осуществляется помимо интереса. 2. Без страсти не может быть совершенно ничего внешнего. 3. Ни одно Я не хочет и не должно погибнуть при осуществлении цели. Эти три положения лежат в основе теории поступка Гегеля.

Гегель каким-то образом предлагает нам сочетать интересы, цели, страсти и разумный эгоизм. Но если я начну оценивать степень опасности для меня того или иного действия, то это действие уже будет лишено страсти. И ничего приличного уже не совершится. Если я буду во всем искать свой интерес, то я не смогу сделать ничего бескорыстного. Избыточного. И тогда самооценка каких-то отношений пропадет. И мир будет другой. Плоский В нем личностью сможет быть лишь тот, кто владеет вещью как собственностью. То есть абсолютной личностью будет абсолютное владение вещами. И даже наличное бытие свободы будет выступать в форме собственности. Чем больше у тебя денег, тем больше у тебя свободы, тем абсолютнее твоя личность. Если человек идет к себе, то в собственности он приходит к себе. Такова теория поступка Гегеля.

4.

Из этой теории следует, что дьявол лучше ангела. Ведь дьявол полагает себя как цель. А ангел полагает другого. А если дьявол выше ангела, то тогда зло - это бытие в себе, а не некое, как думал Шеллинг, последнее, в котором нет первого. Не материя вообще.

5.

Всякое "в себе бытие" конечно. Поэтому конечный человек -это не тот, кто когда-нибудь да умрет. Кто знает о своей смерти. А то", кто примирился с конечностью в себе. С природной душой.

6.

Есть только один способ эффективной борьбы с конечным. С тем, что в тебе является в себе бытием. Это познание. Ибо оно, говорит Гегель, бесконечно. И христиане называют его злом. То есть Гегель называет злом бытие в себе, а христиане - бесконечное познание.

7.

Что должен знать о себе человек? Есть два ответа. 1. Что он по природе добр. И 2. Что он по природе зол. Но как может быть добр по природе тот, кто создан по образу и подобию Бога? Ведь Человек создан как зеркало Бога. И Бог в это зеркало смотрит. И видит, что он добр. И любит себя. Как зеркало человек есть добро в себе". А быть в себе - значит быть односторонним. Быть добрым по понятию, а не в действительности. "Говорят: люди ведь не так уж и злы, ты только оглянись вокруг; но это ведь уже нравственно, морально образованные люди, уже реконструированные, произведенные к примирению"

8.

"Человек должен быть для самого себя тем, что он есть в себе" Ибо "в себе" - это всего лишь природа, законам которой мы подчиняемся. Быть тем, что ты есть - это нонсенс, плодотворность которого Гегель видит в оправдании действия ветхозаветного змея. Методический смысл этой формулы в том, что она позволяет. Гегелю подвесить смыслы естественного языка и расставить знаки спекулятивного мышления.

9.

Чтобы быть человеком, нужно выйти за пределы непосредственного. Необходимо раздвоиться. Заболеть. Сойти с ума. В крайнем случае, согрешить. А потом стать добрым уже не по природе, а по своей Воле. По природе ты невиновен. И невменяем. А когда ты поступаешь по своей воле, ты виновен. Вменяем. Поэтому между душой и сознанием стоит безумие. И привычка. Ведь это безумие отказаться от своей безгрешности, невинности и взять на себя вину. А чтобы обуздать телесное, которое оказывается необузданным, появляется привычка. В раю привычки не нужны. Там тело не бунтует.

10.

У человека в себе есть душа. У человека для себя есть сознание. Следовательно, феноменология снимает антропологию, и показывает превращение души в сознание. Сначала человек хочет непосредственного. Вот этого. Им управляет воля вожеления. Например, дети. Они хотят мороженое. Им нельзя, а они хотят. И только потом, повзрослев, они сообразовываются со всеобщим, которое оседает в праве, нравах и государстве. Человек для себя решается на риск, отменяя хотение бытия в себе.

11.

В невинности непосредственного отсутствует воля к власти. Непосредственно человек является рабом вожелений и страстей. Дух существует в опосредованном. Каждый знает себя как то, что не должно быть. И поэтому каждый несчастен. Всем приходилось отказываться от мира и искать счастье не в нем, а в себе. То есть быть стойками и скептиками.

12.

Раздвоение сознания необходимо, чтобы избавиться от души. Но оно грозило распадом

существа человека. "Кант и Фихте говорят, что человек может только сеять, творить добро в предположении некоторого морального миропорядка, он не знает, удастся ли ему его дело, будет ли оно успешным, он может только действовать в предположении, что добро содействует успеху в себе и для себя, что оно есть не только нечто положенное, но объективно по своей воле".

13.

Внутренний мир человека сам по себе ценности не имеет. Если он открывается в искусстве, то и искусство теряет смысл. Ценность внутреннего мира открывается не в праве, не в государстве, а в Царстве Божьем. На Небе, а не на земле. Но если вина делает меня вменяемым, то неясно, почему был Христос? И как можно страдать за других?

14.

Конституирование значения требует признания другого. Нечто значит, если это значение признано другим. Но другой кладет конец феномену солипсизма, автономии Я. А поскольку философия - это дело автономного Я, солипсиста, постольку признание другого кладет конец философии. Другой - это всегда магнетизер. Даже если он и выступает в форме всемирно-исторического индивидуума.

15.

"Природа человека только в том и состоит, чтобы знать свой закон, и что он поэтому в действительности может повиноваться только такому осознанному закону"

Осознанный закон - это закон, возникший на основе живых нравов, преданий и обычаев. Неосознанный закон - это закон, принимаемый формальным законодательством и не отвечающий духу обычая. Возникший разрыв между осознанными

и неосознанными законами ведет к противостоянию права и законов. Носителем права является гражданское общество. Носителем законов – государство. Следовательно, государство и гражданское общество могут вступить в конфликт. И в этом конфликте Гегель на стороне права, осознанных законов, т.е. принятых и одобренных частными лицами.

16.

В исследовании антропологической предметности европейская философия зашла в тупик. Оказалось, что никакой трансцендентальной антропологии создать нельзя. С точки зрения спекулятивного мышления, наиболее полно феномен человека представлен в уголовном и гражданском кодексах. Что и указывает на тупик европейской философии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кант интересен тем, что в нем еще жива дословность. И он еще может проследить, как чувство превращается в мысль. Как в нем что-то рождается и умирает. Гегель уже окаменел. В нем доминирует книжность. Это просто цитата, но цитирующая самое себя. Схема. У Канта человек еще жив. у Гегеля он уже почти мертв.

Содержание:

I. ГЕГЕЛЬ КАК НАПОЛЕОН

II. АНТРОПОЛОГИЯ ВОЛИ

III. ДУША КАК ПОМЕХА

IV. БОЛЕЗНИ ДУШИ

V. РЕЗЮМЕ

© Гиренок Федор Иванович, 2002 г.

редактор Вячеслав Румянцев 25.01.2002